

Закат и возрождение коммунистического движения

Жиль Дове, Франсуа Мартен

1973

Оглавление

Возвращаясь на восток... навестив по пути Маркса	4
Слово из будущего	9
Безвестным	9
Уолл стрит против Берлинской стены	10
1968 и всё такое	11
Блюз рабочего человека	13
Большие надежды...	14
1. Капитализм и коммунизм	16
А. Наемный труд как система общественных отношений	16
Б. Коммуна и ее уничтожение	18
В. Товар	20
Г. Капитал	21
Д. Конкуренция	23
Е. Кризис	24
Ж. Пролетариат и революция	27
З. Формирование человеческой коммуны	29
И. Коммунизация	32
К. Государства и как от них избавиться	36
Л. Коммунизм как социальное движение	37
2. Классовая борьба и ее самые характерные аспекты в последние годы	39
Предисловие	39
А) Май 1968 г. во Франции	40
Б) Забастовки и борьба рабочих после 1968 г.	43
В) Два самых характерных аспекта забастовок	47
Г) Беспроектные формы акций: саботаж и «замедление»	50
Д) Деятельность партий и профсоюзов перед лицом коммунистической перспективы	53
3. Ленинизм и ультралевые	57
Введение	57
А) Проблема организации	58
Б) Управление чем?	61
В) Закон стоимости	61
Г) Противоречие рабочего времени	63
Е) Исторический предел ультралевых	67

4. Заметки о Бордиге и Паннекуке	69
Антон Паннекук	69
Амадео Бордига	71

Возвращаясь на восток... наведив по пути Маркса

предисловие к чешскому изданию 2002г.

Кроме Северной Кореи и Кубы, ни одна страна больше не называет себя социалистической. Так зачем же вспоминать старые дебаты о природе СССР? Что ещё остаётся узнать, когда капитализм правит миром?!

Очень много. Крайне важно понять, почему Россия была капиталистической в 1980-м, или в 1930-м, или в 1920-м, если мы хотим понять, что такое капитализм и что может и должно быть революционизировано как в России, так и в Британии в XXI веке.

Капитализм это не просто система господства, при которой буржуазное или бюрократическое меньшинство заставляет массы работать и зарабатывать для него богатства. В 1950, в Праге, как и в Чикаго, деньги покупали труд, который работал на повышение стоимости сумм денег, накопленных на полюсах стоимости, называвшихся компаниями или корпорациями. Эти фирмы не могли продолжать существование, если они не накапливали стоимость по социально приемлемым ставкам. Эта ставка была явно не одинаковой в Праге и в Чикаго. Чешские фирмы работали как отдельные единицы, но не имели частных владельцев (в отличие от чикагских фирм), которые могли бы продавать их и управлять ими как хотели. Тем не менее, чешская компания, производившая обувь, не просто производила туфли как предметы, выполняющие свою функцию: она должна была с наибольшей возможной прибылью использовать все деньги, вложенные в их производство. «Образование стоимости» было одинаково важным и в Праге и в Чикаго. Эти туфли не выдавались бесплатно чикагским или пражским пешеходам, которые бы меряли их, надевали и уходили бы в них. В обоих городах, пешеход или платил за свои туфли или уходил босым.

Конечно, чешское государство могло начать раздавать обувь или решить продавать её по заниженной цене, т.е. ниже производственных затрат. Но в каждой стране, стоимость в конечном итоге должна была быть реализована на рынке. Чешские планировщики сгибали правила прибыльности, но они не могли вечно играть в эту игру. Эти правила всегда утверждались в конечном итоге через низкое качество, дефицит, чёрный рынок и т.д. Государство защищало пражскую компанию от банкротства, но это было искусственным процессом. Ограничение конкуренции помогает поддерживать спайку общества: чрезмерно ограниченная конкуренция душист производительность. Никто не может заставлять логику самоповышения стоимости плясать под свою дудочку слишком долго. Одна, десять, тысяча фирм могли быть спасены от краха до тех пор, пока не обанкротилось всё общество. Если бельгийское или французское государство выкупали бы каждую неприбыльную компанию с ранних дней индустриализации, во Франции и в Бельгии сейчас бы не было

капитализма. Вкратце, «закон стоимости» функционировал различными способами при «бюрократическом» и при «рыночном» капитализме, но он оставался применимым к обеим системам. (Никто не отрицает капиталистическую природу Бахрейна или Того, хотя эти капиталистические формы сильно отличаются от британской или итальянской).

Точно так же, как и в западных вариантах, взлёт и падение государственного капитализма зависели от классовых противостояний и компромиссов, в центре которых была необходимость заставить труд приносить прибыль. В СССР и Восточной Европе после 1945-го, это приняло форму постоянных политических репрессий вместе с гарантированной работой (на фабриках и в колхозах), способствовавшей накоплению стоимости несмотря на низкую продуктивность. В конце концов, русский бюрократический капитализм действовал в течение 60 лет.

Вся эта система рухнула не из-за того, что стала слишком репрессивной и людям это надоело, а из-за того, что классовый компромисс перестал быть общественно продуктивным — особенно когда он не смог выстоять под давлением мирового рынка, на котором господствовал куда более динамичный Запад.

1989-й определённо провозгласил начало новой исторической эпохи, но точно не зарю нового коммунистического (в понимании Маркса, а не Сталина или Дубчека) движения. Падение Берлинской стены открыло дорогу потокам экономических перетасовок, рабочего активизма и демократического давления и оставило мало пространства для критики капитализма как такового. С 1989-го, в большинстве стран бывшего СЭВ, классовая борьба получила развитие, но не привела ни к реальному реформизму в западном стиле (который не может быть удовлетворён в условиях восточного капитализма), ни к появлению более-менее разлимого радикального меньшинства. Эволюция Польши или Сербии является наглядным примером того, как активизм рабочего класса либо пошёл на спад, либо был переключен на национальную (иногда националистическую) перспективу. Зачастую, рабочие вынуждены бороться не столько за более высокую зарплату, сколько просто за то, чтобы эту зарплату им заплатили: это верно как для Чешской Республики, так и для Казахстана.

Мы не предполагаем, что «восточные» пролетарии являются более отсталыми по отношению к другим. В Западной Европе, Северной Америке и Японии «антикапитализм» также требует в основном большей социальной справедливости, и лишь крошечная часть этого движения является революционной. В действительности, это очень важный момент, на котором мы хотели бы сделать акцент, хотя его нельзя развить здесь из-за недостатка пространства: на повестке дня везде стоит реформа.

Возвращение к рассмотрению государственного капитализма это не академическая дискуссия. Вопрос здесь стоит о природе капитализма и коммунизма. Если Политбюро и КГБ не смогли согнуть логику продуктивности и прибыльности, правые и левые доброжелатели не смогут реально контролировать её. Нынешний экономический застой (и часто упадок) в большинстве стран бывшего СЭВ происходит не от ненасытности бюрократов, ставших буржуа (не более, чем безработица и низкая зарплата на Западе происходят из-за чрезмерной жадности боссов и акционеров). Для большинства чешских или российских компаний просто нет места на рынке. Капитал не подлежит контролю: он управляет своими управляющими. Анализ бюрократического капитализма говорит нам о том, чем капитал является на деле: не

просто навязанным трудом и цеховой или офисной дисциплиной, но продажей рабочей силы, человеческой жизни, в обмен на деньги. Работа как деятельность оторванная от всего остального не может быть бесплатной. Деньги не могут равно или справедливо распределяться или перераспределяться. Пока существуют деньги, их никогда и никому не хватит. Ничто кроме упразднения наёмного труда не изменит нашу жизнь существенно.

Однако, возникает один вопрос. Насколько идеи таких людей как Маркс соотносятся с монстрами, называвшими себя марксистами в XX веке? Некая связь есть. Организованный государством капитализм несомненно противостоит духу дела жизни и сочинений Маркса, но он может претендовать на верность отдельным их аспектам. Возьмём лишь один пример. I том «Капитала» заканчивается не чисто коммунистическим выводом (как достичь мира без товара, государства и работы), а экспроприацией экспроприаторов через социализацию капитализма как исторической необходимостью. Тем не менее, этого не достаточно для того, чтобы предписывать СДПГ принимать участие в управлении Германией после 1918-го, не говоря уже о подавлении Кронштадта и ГУЛАГе. И уж конечно это далеко от чистого утверждения коммунизма, которое мы находим в ранних текстах Маркса и в его многочисленных записях о «мире» и о «примитивных» обществах, которые он вёл в поздние годы (ни одну из которых, как мы знаем, он не сделал достоянием общественности).

В конце 1960-х и в 70-е, мы были не единственными, кто «вернулся к Марксу», поскольку мы считали это необходимым для лучшего понимания того, что мы переживали в то время. Эссе собранные здесь являются частью этих усилий. Это означало возвращение к целостности революционной истории и мышления и включало в себя Левую оппозицию III-му Интернационалу («итальянская» и «немецко-голландская» Левая), но также анархизм до и после 1914-го. Мы до сих пор убеждены, что (в противоположность тому, что написал Маркс в одной из своих слабейших работ) настоящий раскол в революционном движении произошёл в середине XIX-го века, между тем, что выдаётся за марксизм и анархизм. Конечно, позже, раскол стал ещё хуже.

Читатель этой книги поймёт, что мы не добавляем немного Бакунина к большим кускам Маркса (или наоборот). Подобная мешанина лишь создала бы новые противоречия. Мы лишь пытаемся дать оценку Марксу и Бакунину, как сами Маркс и Бакунин должны были дать оценку, скажем, Бабёфу или Фурье.

Трудно отрицать прогрессистское измерение в Марксе: он разделял веру своего времени в то, что сегодня «лучше», чем вчера, а завтра наверняка будет лучше, чем сегодня. У него был линейный подход к истории и он выстроил детерминистскую последовательность от примитивной коммуны к коммунизму. В общем, он реконструировал раннюю историю так, словно в тот момент, когда человеческие группы смогли производить больше, чем было необходимо для непосредственного выживания, этот излишек создал основу для эксплуатации, а значит её историческую необходимость. Меньшинство принудило большинство работать на себя и захватило богатства. Тысячи лет спустя, благодаря капитализму, громадная экспансия продуктивности создаёт ещё одну возможность: конца эксплуатации. Товары всех видов теперь существуют в таком изобилии, что монополия меньшинства на них становится абсурдной. И организация производства так социализирована, что становится бессмысленным (и

даже контрпродуктивным) то, что ей управляет горсть правителей, причём каждый управляет своим частным бизнесом. Буржуазия была исторически необходимой: затем её собственные достижения (рост современной экономики) превращает её в паразитический класс. Капитализм делает себя бесполезным. Так история движется от нищеты к изобилию.

Правда, что Маркс нигде не описывает этот эволюционный процесс, но он отчетливо проступает за многими его текстами и (что ещё более важно) за большей частью его политической деятельности. Не случайно и не по ошибке он поддерживал немецкую национальную буржуазию или лидеров чисто реформистских профсоюзов и партий: он считал их носителями позитивных перемен, которые должны были в конечном итоге привести к коммунизму. Поэтому он свысока смотрел на повстанцев вроде Бакунина, которого он считал стоящим вне реального движения истории.

Интересно отметить, что такие заметные анархистские фигуры, как Кропоткин и Элизе Реклю (оба признанные профессиональные географы) также придерживались детерминистских взглядов, но с большим акцентом на социальной организации, а не на производстве. Для них всемирное распространение промышленности и коммерции создавало потенциальное универсальное человеческое и открытое общество, в котором должны были утратить своё значение этнические различия, границы и государства.

В случае Маркса и Кропоткина, «общество» перестало быть результатом отношений между существами и классами, а революция казалась неизбежной вследствие универсальной тенденции к объединённому человечеству. Это было скорее техническое, чем социальное объяснение общества.

Маркс-детерминист, однако, не был тем Марксом, который долго выказывал глубокий интерес к тому, что не вписывалось в линейную последовательность исторических стадий. Он много писал о самоорганизованных крестьянских коммунах, с коллективной собственностью на землю и ясно осознавал возможность избежать капиталистической стадии в России. Что бы Кропоткин не думал о Марксе, многие идеи русского анархиста совпадали с идеями знаменитого лондонского изгнанника.

И всё же, как мы знаем, все эти догадки были впоследствии отброшены и реформистскими, и революционными марксистами. Марксизм стал идеологией экономического развития. В соответствии с ней, поскольку капитализм всё более и более социализируется, нет необходимости в революции: организованные массы в конечном итоге положат конец (в основном мирным путём) буржуазной анархии. Если подытожить, социализм не рвёт с капитализмом: он завершает его. Радикалы отличались от постепенцев только тем, что они включали в этот процесс необходимость насилия. Ленин придавал большое значение тому факту, что немецкие концерны и картели были уже организованы и централизованы сверху: если буржуазных менеджеров сменить менеджерами из рабочего класса, и это рациональное планирование расширить от каждого частного треста на всю промышленность, вся социальная ткань изменится. Это не было разрывом с товаром и экономикой.

Наше «возвращение к Марксу» около 1970-го возможно не осознавало скольким был обязан Марксу марксизм.

Любое экономическое определение коммунизма остаётся в рамках экономики, т.е. отделения времени производства от остальной жизни. Коммунизм это не общество,

которое накормило бы всех голодных, излечило больных, дало кров бездомным, и т.д. Он не может быть основан на удовлетворении потребностей, как они есть сейчас или даже какими мы их можем представить себе в будущем. Коммунизм не производит достаточно для каждого и не распределяет это справедливо среди всех. Это мир, в котором люди вступают в такие отношения и действуют так, что (помимо всего прочего) получают возможность кормить, лечить, давать кров самим себе. Коммунизм это не социальная организация. Это деятельность. Это человеческая коммуна.

Жиль Дове, 2002г.

Слово из будущего

предисловие к изданию Antagonism Press 1997 года

Безвестным

Один из лучших фильмов о классовом конфликте это 10-минутный краткий и резкий фильм, снятый 10 июня 1968 г. за воротами фабрики Уандер — изготавливавшей аккумуляторы — на окраине Парижа. Большинство рабочих неквалифицированные, низкооплачиваемые, смотрящие свысока на женщин, часто работающие с грязными химикатами. Они бастовали с 13 мая и сейчас только начинают возвращаться. Уступки, которые им удалось вытребовать у босса дают много в смысле лучших условий труда, но мало по сравнению с энергией вложенной в борьбу. Посреди спорящей группы стоит двадцатилетняя женщина, которая то кричит, то рыдает, но её невозможно уговорить вернуться:

«Нет, я не вернусь. Ноги моей там не будет! Идите и сами посмотрите, какая это мерзкая дыра... в какой грязи мы работаем...»

В 1996 г., документалисты взяли интервью у участников той забастовки: у рабочих мужчин и женщин, мастеров, троцкистского наборщика, профгруппоргов, профсоюзных активистов, местного лидера компартии, который пытался уговорить молодую женщину вернуться на работу. Она, однако, пропала без вести. Немногие хорошо её помнят. Она ушла с фабрики вскоре после тех событий и никто не знает, что с ней случилось, или даже её фамилию, только имя: Жоселин.

У нас остаётся неотвеченным один ключевой вопрос, тот самый вопрос поставленный реакцией Жоселин: в «нормальной» мирной жизни привычки и ориентиры давят на нас, и наша покорность практически неизбежна. Но когда миллионы бастующих выстраивают коллективную мощь, оставив государство беспомощным и комментарии СМИ бесполезными, ставят страну на грань тотальных изменений и осознают, что их повышенная зарплата будет съедена инфляцией, почему они делают этот шаг назад, в известную им более или менее мрачную нищету на тридцать лет вперед?

Кто-то скажет, что Жоселин и её сотрудники не были просветлены, или не встретили истинного света, кто-то будет утверждать, что рабочие пострадали от отсутствия организованности, для кого-то им не хватило спонтанности, а самые умные типы скажут, что Май 68 должен был провалиться, потому что эволюция капитализма ещё не создала предпосылок...

Нижеследующие эссе не решают проблемы — это не математическое упражнение и не загадка, в которой нужно найти правильный ответ — они лишь задают этот первый и самый важный вопрос.

Фактически, один из текстов, «Классовая борьба и её самые характерные аспекты в последнее время», был начат вскоре после того как рабочие Уандер, как и многие другие, вернулись на работу. «Ленинизм и ультралевые» был написан в 1969 г. «Капитализм и коммунизм» вышел в 1972 г. по просьбе некоторых рабочих, которые распространили его, например на «Рено».

Уолл стрит против Берлинской стены

Все три эссе посвящены утверждению коммунизма против идеологии т.н. «марксизма» — официального, академического, или левацкого.

Зачем мы называем себя коммунистами?

Чем больше означает лексический оборот, тем больше вероятность, что правящий порядок заставит его работать на себя. Как «свобода», «автономия», «гуманность» и мн.др., слово коммунизм было извращено, превратно истолковано и в данное время является синонимом жизни при заботливо-диктаторском тоталитарном государстве. Только свободное, автономное, человеческое, коммунистическое пробуждение может снова придать этим словам смысл.

Хотя житейская мудрость считает, что радикальная мысль устарела, последние 25 лет наглядно доказывают обратное.

Какая ещё устарелость?!

Классовая борьба? Нет потребности читать 2000 страницы Маркса, чтобы понять, что те, кто не владеет средствами производства боролись (и как правило терпели поражение) против тех, кто контролирует их.

Стоимость определяется средним социальным временем, необходимым для производства товаров? Очевидно, что наша цивилизация одержима уменьшением времени! Компьютеризация, электронные автотрассы и мобильные телефоны на каждом уличном углу ускоряют обращение. Работа, шоппинг и досуг обращаются с каждым жизненным действием так, словно оно должно превратиться во всё более ускоряющийся поток. Пол Вирилио описывает как экономика производит не просто предметы, но скорость, а предметы лишь в той степени, в какой они производят скорость. Хотя Вирилио не считает себя марксистом, он указывает на то, что этот мир гордится сокращением времени необходимого для достижения всего, т.е. что это мир, управляемый минимальным временем — стоимостью.

Прибыль как движущая сила этого мира? Любой, кто потерял свою работу в фирме, которой он отдал 20 лет своей жизни, знает, что компания — это накопленная стоимость, постоянно стремящаяся к самоповышению и сметающая всё на своём пути.

Снижающиеся количества западных фабричных рабочих, падение Берлинской стены и упадок левацких групп означают окончательное падение коммунизма для тех кто считал чернорабочих солью земли, приравнивал социализм к плановой экономике и любил маршировать по улице под флагом Северного Вьетнама.

Падение т.н. социалистических стран продемонстрировало власть экономики. И Восток, и Запад прошли через экономические кризисы. Возвращение прибыльности потребовало новой системы производства в Кливленде, нового политического режима в Кремле. Государственный капитализм пал не из-за того, что тоталитаризм опостылел людям, но оттого, что он больше не мог поддерживать себя сам и придавать смысл своей системе угнетения.

Централизованное экономическое планирование хорошо подходило для товарной промышленности развивающегося капитала; и бюрократическая власть покоилась на компромиссе с крестьянами с одной стороны, и с рабочими с другой (работа за жизнь плюс минимальные социальные гарантии, в обмен на политическую покорность: даже периодические чистки служили социальному продвижению, а следовательно поддержкой бюрократов рабочими). Это могло подходить России в 1930 г., но не в 1980 г., не говоря уж о ГДР или Чехословакии в 1980 г. Капитализму нужны определённые формы конкуренции между конфликтующими полюсами накопленной стоимости, противостоящими друг другу, а следовательно определённое количество экономической и политической конкуренции.

Развал СССР это не окончательное опровержение Маркса, а подтверждение анализа «Капитала». Политбюро могло управлять своим собственным внутренним рынком, но не могло избежать давления мировой торговли. Те же самые рыночные силы, что увольняли тысячи в Ливерпуле были заняты уничтожением бюрократических препонов, препятствовавших потокам денег и товаров в Москву. Призрак всё ещё преследует нас, писал Wall Street Journal в 1991 г., ссылаясь на «Манифест» 1848 г.: *«Анализ Маркса можно применить к удивительному развалу коммунистических режимов построенных на основаниях его мысли, но неверных его предписаниям».*

1968 и всё такое

До этого тоже были рабочие восстания, открыто направленные против государства и против интегрированного рабочего движения, а некоторые из них были гораздо сильнее, как например после 1 мировой. Но около 1970 г., в восстании было нечто более глобальное и глубокое. В отличие от 1871, 1917-21 или 1936-37 гг., капитал в промышленных странах оккупировал всю жизнь, начал превращать всё больше и больше повседневных действий и отношений в товары и объединил общество под своим господством. Политика, противостоящая политическим программам, начала уходить. В 68-м, французские профсоюзы и рабочие партии могли подавить 4- или 5-миллионную 3-недельную стачку, но уже не могли предложить платформу альтернативную платформам «буржуазных» партий. Те, кто принял участие во всеобщей стачке не ожидали от возможного левого правительства ничего большего, чем чуть более высокое пособие. Смешанная экономика стояла на повестке дня, с акцентом на государственном вмешательстве, когда у власти левые, на рыночных силах, когда голоса переходят к правым.

Товарные отношения стали посредником между простыми человеческими потребностями. Американская мечта твоя, если ты достаточно богат, чтобы купить её. Но даже так, самая красивая машина — это не та, которую ты только что купил, а

следующая марка в телерекламе. Товары всегда лучше всего выглядят на постерах. Как рабочий рай в русском стиле утратил свою достоверность, потребительский рай оказался вне достижимости — это естественно. Так что на фабрике нет будущего — ни в кошмаре по ту сторону Железного Занавеса, ни в мягких полутонах страны грёз по эту сторону экрана. В итоге, рабочее место перестало быть местом, где можно начать строить лучший мир. Хотя у книги Ситуационистского Интернационала «Общество зрелища» в то время было мало читателей, её издание в 1967 г. стало предтечей будущей критики. В действительности, тот период означал также вступление в профсоюзы многих измученных низкооплачиваемых рабочих, наконец-то добравшихся до XX века и лишь меньшинство рабочего класса огласило отрицание общества, эти бунтари с периферии рабочей силы, особенно молодёжь. Но всемирная волна стачек и бунтов будет непонятной без своей подспудной характеристики: массового разочарования в фабричной и офисной жизни. «Кто хочет работать?», спрашивал Newsweek в середине 70-х.

Всё же, почти все сидячие забастовки захватывали рабочие места и не заходили дальше. Из всех мятежных действий (захват газовых и транспортных услуг польскими забастовщиками в 1971 г., итальянские самосокоращения, сквотирование, «социальные» стачки водителей автобусов, больничного персонала и кассиров супермаркетов, обеспечивавших транспорт, медицинское обслуживание и питание бесплатно, электрики, перерезавшие электрообеспечение бюрократов или фирм, тысячи других примеров) ни одно не стало началом коммунизации. Остановка работы и нарушение товарных отношений не слились в единое наступление на работу-как-товар, т.е. наёмный труд как таковой. От тюрьмы до детского образования, всё попало под огонь, но всё же наступление оставалось негативным.

Отсутствие творческих попыток преобразовать общество дало обратный импульс к капитализму.

У исторических восстаний нет дат рождения или смерти, но Фиат точно был не просто символом — вехой. Годами туринская фирма страдала от непрекращающихся остановок конвейера, массового отсутствия на рабочих местах и митингов на рабочих объектах. Однако, организованный беспорядок не преобразовал отрицание в нечто позитивное. Так, менеджмент смог подавить (достаточно большое) меньшинство, с пассивной помощью усталого меньшинства, испытывавшего страх за свою работу. Радикалы нарушили общественную логику, но не принесли новой. Насильственные (даже вооружённые) действия постепенно утратили связь с цехом. В 1980 г., компания уволила 23000 из 140000: фабрика забастовала на 35 дней, однако, под конец 40000 рабочих Фиата вышли на улицы с протестом против забастовки. Тогда профсоюзы заключили компромисс по которому эти 23000 получили компенсацию от государства, а затем намного больше тысяч человек были уволены из-за рационализации производства. В такие поворотные моменты социальный взрыв 60-70х гг. был обращён вспять.

Блюз рабочего человека

С тех пор, поражения рабочего класса происходили из-за его оборонительной позиции против постоянно мобильного противника. Насколько бы глубоко не был укоренён боевой дух рабочих в шахтах и цехах, он не смог противостоять реструктуризации. Труд силен до тех пор пока он необходим капиталу. Иными словами, он может сдерживать массовые увольнения, иногда годами с поддержкой всей остальной рабочей общины, но он не может сдерживать её всегда будучи неприбыльной рабочей силой. В 70-х и в 80-х у рабочих были и количество и организация, но они потерпели поражение потому что экономика лишила их их функции, которая есть их социальное оружие. Ничто не заставит капитал нанимать бесполезный для него труд.

В то же время, все эти «комитеты действия», «низовые группы», и т.д., которые были органами деятельности рядовых рабочих как на рабочих местах, так и вне их, ушли в небытие. Когда появились свежие координационные органы, как во время железнодорожной стачки (1986) или забастовки медсестёр (1988) во Франции, они не пережили своей функции и самораспустились, (лишь немногие переключили свою энергию во вновь сформированные, «рядовые» отколы профсоюзов и таким образом интегрировались в капитал).

Годами, конвейерные рабочие боролись против того, что с ними обращались как с роботами, в то время как меньшинство уходило от работы вообще и от потребительского общества. Капитал ответил инсталляцией настоящих роботов, сокращая миллионы рабочих мест и налаживая, усиливая, углубляя то, что осталось от неквалифицированного труда. В то же время, широко распространившееся желание свободы было превращено в свободу покупать. В 1960 г., кто мог представить себе, что 12-летняя девочка когда-нибудь сможет рассчитываться на кассе своей собственной пластиковой карточкой? Её деньги — её свобода... Знаменитые лозунги 68-го: «Никогда не работай!» и «Требуй невозможного!» высмеивались, когда людей вышвыривали с работы и предлагали им товары во всё большем, сводящем с ума изобилии.

Многие сравнивают сегодняшнюю ситуацию с 20-ми и 30-ми гг. — включая фашистскую угрозу. Но в отличие от восстаний и вооружённой контрреволюции, происходивших между 1917 и II мировой войной, нынешний регресс пролетариата стал длительным и постепенным поглощением крупных слоёв рабочего класса безработицей и негарантированными трудовыми отношениями. Если и есть надежда, то она в пролах, говорит Уинстон в 1984. Кажется, что большое количество работяг в реальном 1984 восстали за несколько лет до этой даты, взяли весь мир в свои руки и затем отказались как принять, так и изменить его. За десятилетия до этого, их деды запирались за фабричными воротами (Италия, 1920) часто с оружием; они боролись и умирали, но на предприятии всегда появлялся новый босс. На этот раз лишь немногие взяли в руки оружие (и ещё меньше с пришествием безработицы: невозможно стрелять в закрывающийся завод). Так что это была больше ошибка, чем поражение. Как игрок выходящий из игры с предрешённым результатом: он не может и не станет взрывать игровое поле и позволит победителям выиграть.

Эта игра проиграна, бесполезно отрицать это. Капитализм торжествует, ещё более текучий и нематериальный чем 25 лет назад, унифицируя всё, но в абстрактной, пассивной, экранной, негативной манере. В 60-х реклама изображала рабочего с автозавода, который смотрит на фотографию новой машины и спрашивает: «Кто делает эту модель?». Рабочий с автозавода 2000-го года, наверняка занятый на неполное время или по временному контракту, будет смотреть по телевизору «Автокатастрофу» (Crash), в то время как его ребёнок будет играть в видеоигру с использованием микрочипов, которые когда-нибудь лишат его отца или его самой работы. Никогда до этого человечество не было так едино и разделено одновременно. Миллиарды смотрят одно и то же кино и живут всё более отчуждённой друг от друга жизнью. Товары в одно и то же время производятся массово и недоступны. В 1930 г., у миллионов не было работы из-за огромного экономического кризиса. Сейчас они на пособии во времена роста, потому что даже восстанавливаемая экономика не может получать от них прибыль как 30 лет назад. Во многом, мы вышли из кризиса прибыльности 70-х, и большинство делового мира зажиточнее, чем раньше. Парадокс в том, что рабочая производительность возросла так сильно, что капиталу часто не нужно больше нанимать рабочую силу для того, чтобы повышать свою стоимость.

Большие надежды...

Рабочее движение, каким оно было в 1900 г., или всё ещё оставалось в 1936 г., не было ни подавлено фашистскими репрессиями, ни куплено транзисторами или холодильниками: оно уничтожило само себя как силу перемен, потому что стремилось сохранить пролетарские условия существования, а не преодолеть их. В лучшем случае оно добилось лучшей жизни для бушующих масс, в худшем бросило их в мировые войны. Всё это теперь принадлежит прошлому, и популярность фильмов о рабочей культуре является верным знаком её ухода из реальности в воспоминания и музеи. Сталинисты становятся социал-демократами, а социал-демократия становится левоцентристской. Все переходят направо и скоро троцкисты начнут называть себя радикальными демократами. То, что когда-то было революционной средой полно лишь беспомощности и ностальгии. Что же до нас, мы не жалеем о том времени, когда Брежнева называли коммунистом и тысячи молодых людей шли по улицам распевая «Интернационал», будучи фактически группами поддержки в своём стремлении быть крайне левым крылом левой.

Целью старого рабочего движения был захват старого мира и управление им по новому: заставив бездельников работать, развивая производство, вводя рабочую демократию (в принципе, по крайней мере). Лишь крошечное меньшинство, «анархисты», так же как и «марксисты», утверждало, что новое общество означает уничтожение государства, товара и наёмного труда, хотя оно редко определяло это как процесс, скорее как программу, которую следовало применить на практике после захвата власти, зачастую после достаточно длительного переходного периода. Эти революционеры не смогли понять коммунизм как общественное движение, чьё действие подрывает основы классово-государственной власти, и недооценили подрывной потенциал тех братских, открытых, коммунистических отношений,

которые вновь и вновь появлялись в каждом крупном восстании (Россия 1917-19, Каталония 1936-37...).

Больше нет необходимости создавать капиталистические предпосылки для коммунизма. Капитализм находится повсюду, и всё же намного менее виден, чем 100 или 50 лет назад, когда классовые различия упорно выказывались повсюду. Рабочий узнавал владельца фабрики с одного взгляда, знал или думал, что знает своего врага и чувствовал, что однажды ему и его приятелям станет лучше, когда они избавятся от босса. Сегодня классы продолжают существовать, но проявляются в бесконечных степенях потребления и никто не ожидает лучшего мира от общественного владения промышленностью. «Враг» — это неосязаемые социальные отношения, абстрактные — но реальные, безграничные — но не полностью вне нашей досягаемости: потому что пролетарии это те, кто производят и воспроизводят мир, они могут остановить и революционизировать его. Цель — это немедленная коммунизация, которая не осуществится полностью за одно поколение или больше, но должна будет начаться с самого начала. Капитал заполонил собой всю жизнь и определяет как мы должны кормить нашу кошку, как мы должны ходить в гости к друзьям, до такой степени, что нашей целью может быть только социальная ткань, невидимая, всепоглощающая, безличная. (Хотя капитал хорошо умеет нанимать персонал для своей защиты, социальная инерция является ещё более мощной консервативной силой, чем пресса или полиция). Человеческая коммуна возможна: её основа существует, гораздо больше, чем столетие назад. Пассивность мешает ей родиться. Наша самая жизненно необходимая потребность: *другие*, кажется одновременно такой близкой и такой далекой. Торговые связи одновременно крепки и хрупки.

В 1991 г. Лос-Анджелесские бунты зашли дальше, чем бунты в Уоттсе в 1965 г. Последовательность бунтов против частной собственности показала, что значительная часть молодёжи не может быть интегрирована. Здесь и там, несмотря на массовую безработицу, рабочих невозможно путём шантажа заставить принять низкую зарплату в качестве бартерной платы за рабочее место. Корейцы доказали, что «Всемирная компания» распространяет фабричные волнения вместе с доходами, а «отсталая» Албания породила современное восстание. Когда внушительное меньшинство, пресыщенное виртуальной реальностью, начнёт реализовывать возможности, революция возродится, ужасная и анонимная.

Посвящается Жоселин, неизвестной работнице.

Жиль Дове, 1997

1. Капитализм и коммунизм

Коммунизм — это не программа для осуществления или принуждения других к ее осуществлению, это социальное движение. Те, кто разрабатывают и отстаивают теоретический коммунизм, не обладают преимуществами перед другими, кроме более ясного понимания и более строгого выражения. Так же, как и все другие люди, которые не интересуются теорией, они чувствуют практическую потребность в коммунизме. У них нет никаких привилегий; они не являются носителями знания, которое приведет в движение революцию; но, с другой стороны, они не боятся стать «лидерами», объясняя свои позиции. Коммунистическая революция, как и любая другая, является продуктом реальных потребностей и условий жизни. Наша задача состоит в том, чтобы пролить свет на существующее историческое движение.

Коммунизм — это не идеал, который следует реализовать; он уже существует, но не как общество, а как усилие, как задача, к которой нужно готовиться. Это движение, которое пытается упразднить условия жизни, определяемые наемным трудом, и оно упразднит их путем революции. Дискуссия о коммунизме — не академическая дискуссия. Это не спор о том, что следует сделать завтра. Это интегральная часть целой серии непосредственных и долгосрочных задач, среди которых дискуссия — это лишь один из аспектов, это попытка достичь теоретического понимания. С другой стороны, задачи будет легче и эффективнее выполнять, если ответить на вопрос: куда мы движемся?

Нам незачем доказывать несостоятельность компартии, разнообразных социалистов, леворадикалов и т. п., чьи программы просто модернизируют и демократизируют все существующие характеристики современного мира. Дело не в том, что эти программы не являются коммунистическими, а в том, что они являются капиталистическими.

Объяснения, изложенные в данном тексте, происходят не из желания объяснить. Их бы не существовало в данной форме и какое-то количество людей не собралось бы для того, чтобы разработать и опубликовать их, если бы противоречия и практическая социальная борьба, раздирающие современное общество, не продемонстрировали формирование нового общества в чреве старого.

А. Наемный труд как система общественных отношений

Если взглянуть на современное общество, становится ясно, что для того, чтобы жить, большая часть человечества вынуждена продавать свою рабочую силу. Все физические и интеллектуальные способности, которые есть у людей, у каждой личности, должны быть приведены в движение для производства полезных вещей. Но использовать их можно только в обмен на зарплату. Рабочая сила является товаром,

таким же, как все остальные. Существование обмена и наемного труда представляется нам нормальным, неизбежным. И все же, для внедрения наемного труда понадобилось насилие, сопровождавшееся социальными конфликтами. Отделение работника от средств производства, которое сегодня кажется само собой разумеющимся, на самом деле является результатом долгой эволюции, и достичь его можно было только силой.

В Англии, в Нидерландах, во Франции, начиная с 16 века, экономическое и политическое насилие экспроприировало ремесленников и крестьян, репрессировало нищих и бродяг, навязывало беднякам наемный труд. В 20 веке, между 1930 и 1950 гг., Россия должна была принять трудовое законодательство, включавшее высшую меру наказания, чтобы организовать переход миллионов крестьян к индустриальному наемному труду за несколько десятилетий. Для нас вполне привычно, что у человека нет ничего, кроме его рабочей силы, что для того, чтобы жить, он должен продавать ее предприятию, что все является товаром, что социальные отношения вращаются вокруг обмена, но в действительности это — итог длительного и насильственного процесса.

Посредством своей образовательной системы и своей идеологической и политической жизни, современное общество прячет прошлое и нынешнее насилие, на котором держится такое положение дел. Оно прячет свое происхождение и механизм, позволяющий ему функционировать. Все кажется результатом свободного договора между индивидом, продавцом рабочей силы, и фабрикой, цехом или офисом. Существование товара кажется очевидным и естественным явлением. И все же, оно периодически вызывает большие и малые катастрофы: товары уничтожаются ради сохранения их стоимости, существующие мощности не используются, а элементарные потребности при этом не удовлетворяются. Два столпа современного общества — обмен и наемный труд — являются источником периодических и постоянных кризисов, и вместе с тем они создают условия, при которых другое общество становится возможным. Они толкают большую часть современного мира на бунт против них и на реализацию этой возможности: коммунизма.

По определению, любая человеческая деятельность социальна. Человеческая жизнь протекает только в группах, в различных формах объединений. Воспроизводство условий жизни с самого начала было коллективной деятельностью: как воспроизводство самих людей, так и воспроизводство средств существования. Отличительной чертой человечества является его способность производить и воспроизводить материальные условия своего существования. Некоторые животные используют орудия труда, но только человек производит свои орудия труда. Удовлетворение потребностей человека опосредуется производством, трудом, который постоянно модифицируется и преобразовывает окружающую среду. Другие формы жизни — пчелы, например — сами создают свои материальные условия, однако, насколько известно науке, их эволюция стоит на месте. Труд же является постоянно изменяющимся подчинением и освоением окружающей среды человеком. Отношения человека и «природы» — это в тоже время и отношения между людьми; и они в той же мере определяются производственными отношениями, что и идеи и способы познания мира.

Изменению деятельности соответствует изменение социального контекста, в котором она происходит. Производственные отношения, в которые вступают люди, не зависят от их воли: каждое поколение имеет дело с техническими и социальными условиями, оставшимися от предыдущих поколений. Но их воля может изменить эти условия, в тех пределах, которые допускает уровень материальных производительных сил. То, что люди называют «историей», ни к чему не стремится: историю творят люди, но только в той степени, в которой позволяют данные им возможности. Это не значит, что за каждым важным изменением в производительных силах немедленно и автоматически следует соответствующее изменение в производственных отношениях. Если бы это было правдой, не было бы революций. Новое общество, порожаемое старым, может проявиться и одержать победу только путем революции, путем уничтожения всех политических и идеологических структур, которые до определенного момента позволяли выживать устаревшим производственным отношениям.

Наемный труд когда-то был формой развития, но больше он ей не является; теперь он стал лишь препятствием или даже угрозой самому существованию человечества.

Что мы должны осветить, за исключением материальных объектов, станков, фабрик, трудящихся, которые там каждый день работают, вещей, которые они производят, так это общественные отношения, управляющие ими, а также возможную и необходимую эволюцию этих отношений.

Б. Коммуна и ее уничтожение

Сначала человечество жило в относительно автономных и обособленных группах, в семьях (в самом широком смысле: семья, объединяющая всех людей одной крови), в племенах. Производство состояло в основном в охоте, рыболовстве и собирательстве. Продукты производились не для потребления после обмена, после их выставления на рынке. Производство было непосредственно общественным, оно не опосредовалось обменом. Коммуна распространяла то, что производила, в соответствии с простыми правилами, и все получали напрямую все, что она им давала. Не было индивидуального производства, т.е. разделений между индивидами, воссоединяющимися только после производства через промежуточное звено, обмен, через сравнение различных товаров, произведенных обособленно. Решения по своей деятельности принимали (их диктовала группе необходимость) и осуществляли все вместе, и ее плоды делили между собой поровну.

Многие «примитивные» общины могли накапливать излишки и ни о чем не беспокоиться. Как отмечал М. Салинс, эпоха «недостатка» на самом деле не редко характеризовалась изобилием, с множеством свободного времени — хотя их «время» имеет слабое отношения к нашему «времени». Исследователи и антропологи отмечают, что поиск пищи и ее складирование занимали достаточно небольшую часть дня. «Производственная» деятельность была частью глобального отношения к группе и ее окружающей среде.

Большинство человечества, как мы знаем, перешло от охоты-собираательства к сельскому хозяйству и начало вырабатывать излишки, которыми общины начали обмениваться.

Этот кругооборот продуктов мог быть достигнут только посредством обмена, т.е. через принятие в расчет не в уме, а на практике того, что является общим для всех товаров. Продукты человеческой деятельности обладают только одной общей чертой: они являются результатом определенного количества энергии, как индивидуальной, так и социальной. Благодаря этому абстрактному характеру труд не только производит полезные вещи, но также поглощает энергию, социальную энергию. Стоимость продукта, независимо от его пользы, — это количество содержащегося в нем абстрактного труда, т.е. количество социальной энергии, необходимой для его производства. Так как это количество можно измерить только временем, то стоимость продукта является временем, общественно необходимым для его производства, а точнее — средним временем для данного общества в данный момент его истории.

С ростом своих потребностей и возможностей, коммуна начинает производить не только продукты потребления, но также товары — продукты, обладающие как потребительской, так и меновой стоимостью. Вначале появляется торговля между общинами, затем она проникает внутрь их, порождая специализированную деятельность, ремесла, социальное разделение труда. Сама сущность труда меняется. В условиях обмена труд становится двойным трудом, производящим и потребительскую и меновую стоимость. Труд больше не интегрирован в тотальность общественной деятельности, он становится специализированной сферой, отделенной от остальной жизни человека. То, что индивид делает для себя и для группы, — это не то, что он делает для обмена на товары других общин. Производство товаров вовне подразумевает самопожертвование, ограничения, трату времени. Общество становится дифференцированным, оно разделяется на разные социальные группы, занятые в различных отраслях. Кроме того общество разделяется на трудящихся и нетрудящихся. На этой стадии коммуна перестает существовать.

Коммуне нужны отношения обмена для развития и удовлетворения своих растущих нужд. Но отношения обмена уничтожают коммуны. Благодаря им люди начинают рассматривать друг друга и самих себя только в качестве поставщиков товаров. Использование продукта, который я произвожу, меня больше не интересует; я заинтересован только в использовании того продукта, который я получу в обмен. Но для человека, который продает его мне, польза продукта не имеет значения, потому что он заинтересован только в потребительской стоимости, которую произвожу я. То, что является потребительской стоимостью для одного есть лишь меновая стоимость для другого, и наоборот. Община исчезла в тот день, когда у ее (бывших) членов остался интерес друг другу только в той мере, в какой они были материально заинтересованы друг в друге. Не то, чтобы альтруизм был движущей силой примитивной коммуны или должен быть движущей силой коммунизма. Просто в одном случае движение интересов объединяет индивидов и заставляет их действовать сообща, а в другом оно индивидуализирует их и вынуждает бороться друг с другом. С рождением обмена в общине, труд перестал быть реализацией потребностей и стал лишь средством получения удовлетворения своих потребностей от других.

Община, развивая обмен, вместе с тем пыталась и сдержать его. Она пыталась контролировать или уничтожать излишки и устанавливала строгие правила обращения товаров. Но обмен в конце концов одержал триумф. Там, где ему это не удалось, общество перестало развиваться и было раздавлено вторжением торгового общества.

Когда продукты не производятся раздельно, когда не существует разделения труда, нельзя сравнить стоимость двух товаров, поскольку их производят и распределяют сообща. Момент обмена, когда измеряется рабочее время производства обоих товаров и затем происходит сам обмен, еще не существует. Абстрактный характер труда появляется, только когда этого требуют общественные отношения. Такие условия возникают с началом технического прогресса, когда для развития производительных сил становится необходимо, чтобы люди специализировались в своем деле и обменивались своей продукцией друг с другом, а также с другими общинами, превратившимися теперь в государства. С этими двумя предпосылками стоимость, среднее рабочее время, становится инструментом измерения. В корне этого явления лежат практические отношения между людьми с развитием их реальных потребностей.

Стоимость появляется не из-за того, что это удобное средство измерения. Когда общественные отношения в примитивной коммуне сменяются сложными и более многогранными отношениями, стоимость становится незаменимым посредником в человеческой деятельности. Неудивительно, что среднее общественно необходимое рабочее время следует использовать в качестве нормы измерения, поскольку на данной стадии труд является основным элементом в производстве богатств и это единственный элемент, присущий всем видам деятельности — все они требуют определенного количества человеческой рабочей силы, независимо от способа приложения этой силы. В соответствии с абстрактным характером труда, стоимость представляет собой его абстракцию, его общий и социальный характер, не учитывающий конкретных различий между предметами, создаваемых трудом.

В. Товар

Экономический и общественный прогресс улучшает эффективность человеческой организации и ее способность связывать компоненты трудового процесса — в первую очередь, рабочую силу. Затем появляются различия (и противостояние) между трудящимися и нетрудящимися, между организаторами и исполнителями. Первые города и великие ирригационные проекты появились в результате этого роста производственной эффективности. Торговля становится обособленным видом деятельности: появляются люди, зарабатывающие на жизнь не производством, а посредничеством между различными сферами деятельности отдельных производственных единиц. Большая часть производимой продукции становится товарами. Для реализации их потребительской стоимости, т.е. способности удовлетворять потребности, их необходимо купить, они должны возмещать свою меновую стоимость. Иными словами, хотя они и существуют в качестве материальных и конкретных предметов, с точки зрения общества их не существует. Человек не обладает правом использовать их. Этот факт показывает, что товар является не просто вещью, но в первую очередь единицей общественных отношений, управляемых определенной

логикой, логикой обмена, а не удовлетворения потребностей. Потребительская стоимость теперь служит лишь основанием стоимости. Производство становится сферой оторванной от потребления; работа становится сферой оторванной от нерабочего времени. Собственность закрепляет разделения между видами деятельности, между людьми и между производственными единицами в юридической сфере. Раб является товаром для его владельца, который покупает человека, чтобы тот работал на него.

Существованию посредничества на уровне организации производства (т.е. обмена) соответствует существование посредничества на уровне народной организации: государство становится незаменимым в качестве силы, объединяющей разрозненные элементы общества в интересах правящего класса. Консолидация становится необходимой из-за уничтожения первобытного сообщества. Общество вынуждено поддерживать свое единство, создавая и лелея в себе это учреждение.

Обмен становится видимым и вполне конкретным с зарождением денег. Абстракция, стоимость, материализованная в деньгах, становится товаром и становится все более независимой, все больше отделяется от своего происхождения и от того, что она собой представляет: от потребительской стоимости, от реального продукта. По сравнению с простым обменом — количество x продукта A на количество y продукта B — деньги позволяют добиться универсальности, в которой можно приобрести все за какое-то количество абстрактного рабочего времени, кристаллизованного в деньгах. Деньги являются рабочим временем, абстрагированным от труда и получившим конкретность в устойчивой, измеримой, транспортабельной форме. Деньги видимы, даже осязаемы, это проявление общего элемента во всех товарах — не в двух или нескольких товарах, но во всех возможных товарах. Деньги позволяют их владельцу управлять чужим трудом, в любое время и в любой точке земного шара. При помощи денег можно избежать ограничений времени и пространства. Изолированно тенденция к универсальной экономике проявлялась и в античные времена и средневековье, но тогда ей не удалось достичь своей цели. Только капитализм, начиная с 16 века, но главным образом в 19-м и 20-м вв., создает необходимую основу для устойчивой универсальной экономики.

Г. Капитал

Капитал — это производственное отношение, которое устанавливает совершенно новую и крайне эффективную связь между живым и мертвым (накопленным предыдущими накоплениями) трудом. Однако, как и при зарождении обмена, подъем капитала не является результатом чьего-то решения или плана, это следствие действительных общественных отношений, ведущих к качественно новой ступени развития в некоторых западноевропейских странах в период после средневековья.

Торговцы накопили огромные суммы денег в разных формах и усовершенствовали систему банков и кредита. Стало возможным использовать эти суммы: были изобретены первые станки (текстильные) и тысячи бедняков (бывших крестьян или ремесленников), утративших свои средства производства, были вынуждены принять новое производственное отношение: наемный труд. Предпосылки — накопленный

труд в виде станков (а позже — фабрик) — были созданы. Этот мертвый труд должен был приводиться в движение живым трудом тех, кто не смог осуществить подобное накопление сырья и средств производства. До тех пор, обмен не был ни мотивом, ни регулятором производства. Простая торговля, простое товарное производство (в противоположность капиталистическому товарному производству) не могли обеспечить стабильности, устойчивости, требуемой социализацией и консолидацией мира. Это было достигнуто капиталистическим товарным производством, причем средство достижения этого заключалось в захвате производства.

Раб не продавал свою рабочую силу: его владелец сам покупал раба и заставлял его работать. При капитализме, живой труд приобретает средствами производства, которые он приводит в движение. Хотя роль капиталиста и довольно существенна, она все же вторична: *«капиталист как таковой является лишь функцией капитала»*, подлинного дирижера общественного производства. Что действительно важно, так это развитие мертвого труда живым. Инвестировать, накапливать — таковы девизы капитала (приоритетная роль тяжелой промышленности во всех т.н. социалистических странах есть ничто иное как признак развития капитализма). Однако, цель капитала не в том, чтобы накапливать потребительские стоимости. Капитал умножает фабрики, железные дороги и т.д. только для накопления стоимости. Капитал в первую очередь является совокупной стоимостью абстрактного труда, кристаллизованного в форме денег, финансового капитала, акций, облигаций и т.д., которые он стремится увеличить. Сумма x стоимости должна давать x +прибыль в конце цикла. Для осуществления валоризации, стоимость приобретает рабочую силу.

Этот товар уникален, ведь его потребление означает труд, а значит и создание новой стоимости, в то время как средства производства не производят иной стоимости кроме своей собственной. Поэтому использование рабочей силы производит дополнительную стоимость. Происхождение буржуазного богатства находится именно в этой прибавочной стоимости, в этом различии между стоимостью, создаваемой трудом наемного трудящегося, и стоимостью воспроизводства его рабочей силы. Зарплата лишь покрывает расходы на это воспроизводство (т.е. на средства к существованию работника и его семьи).

Из данного анализа легко заметить, что присвоение прибавочной стоимости капиталистом, как отдельной личностью, — это не самое главное. Коммунизм не имеет ничего общего с той идеей, что рабочие должны частично или полностью возместить себе прибавочную стоимость, по простой и очевидной причине: часть ресурсов должна быть использована для обновления оборудования, для нового производства и т.д. Дело не в том, что горстка людей забирает непропорционально большую долю прибавочной стоимости. Если этих людей уничтожить, а систему оставить неизменной, часть этой прибавочной стоимости будет отдана рабочим, а остальное будет вложено в коллективную инфраструктуру, социальное страхование и т.д. — фактически это программа всех левых, включая официальные компартии. Вообще, логика системы стоимости всегда имеет итогом развитие производства для максимальной валоризации [повышения стоимости]. Пока основой общества остается механизм, совмещающий два процесса: процесс реальной работы и процесс валоризации — стоимость господствует над обществом. Изменения, привнесенные капиталом, заключаются в завоевании производства и социализации мира, начиная с 19 века, со

всеми его промышленными предприятиями, транспортными средствами, складами и быстрой передачей информации. Но в цикле капитала удовлетворение потребностей — это лишь косвенный продукт, а не движущая сила всего механизма. Целью является валоризация: удовлетворение потребностей является в лучшем случае средством, так как все, что производится, должно быть продано.

Предприятие — это пространство и центр капиталистического производства; каждое промышленное и сельскохозяйственное предприятие действует в качестве пункта сбора стремящейся к повышению совокупной стоимости. Предприятие должно получать прибыль. Опять же, закон прибыли не имеет ничего общего с действиями нескольких «крупных» капиталистов, и коммунизм не означает избавления от нескольких толстых, курящих сигары, людей в цилиндрах с лошадиных скачек. Значение имеют не индивидуальные доходы, получаемые капиталистами, а направление движения, ограничения, наложенные на производство и на общество системой, диктующей как работать и что потреблять. Вся демагогия о богатых и бедных лишь запутывает этот вопрос. Коммунизм не означает отнятия денег у богатых и их раздачи бедным.

Д. Конкуренция

Конкуренция происходит между различными предприятиями: все борются друг против друга на рынке, каждый стремится получить монополию на рынке. Мы продемонстрировали, как различные аспекты человеческой деятельности отделяются друг от друга. Отношения обмена увеличивают разделение общества по профессиям, которое, в свою очередь, помогает развитию товарной системы. Однако, как это можно видеть до сих пор, даже в развитых странах, в сельской местности к примеру, не существует реальной конкуренции между различными видами деятельности, отчужденными друг от друга, но стабильно разделенными между булочником, сапожником и т. д. Капитализм — это не только разделение общества на различные профессии, но прежде всего перманентная борьба между различными игроками одной отрасли. Любая совокупная стоимость существует только в отношении с другими. То, что идеология называет эгоизмом и борьбой всех против всех, есть незаменимый элемент того мира, в котором человеку приходится бороться за возможность продавать. Поэтому экономическое насилие и, как следствие, вооруженное насилие являются интегральными частями капиталистической системы.

Конкуренция обладала положительными эффектами в прошлом: она порвала с ограниченностью феодальных устоев и корпоративными ограничениями, позволив капиталу заполнить собой мир. Теперь она стала источником разорения, ведущим либо к развитию бесполезных или разрушительных производств, валоризация которых протекает быстрее, либо к затормаживанию важного производства, если спрос не сходится с предложением.

Конкуренция является разделением производственных систем на автономные центры, конкурирующие полюса (punkte), каждый из которых стремится к росту своей совокупной стоимости. Ни «организация», ни «планирование», ни любой другой вид контроля не сможет покончить с ней. Государственная власть и «народная

власть» также не способны решить эту проблему. Движущей силой конкуренции является не свобода индивида и даже не свобода капиталиста, а свобода капитала. Капитал может жить, только пожирая себя. Форма уничтожает свое содержание, чтобы выжить как форма. Капитал уничтожает свои материальные компоненты (живой и мертвый труд) для того, чтобы выжить в качестве самоповышающейся совокупной стоимости.

Все конкурирующие капиталы обладают определенной нормой прибыли, и капиталы движутся от одной отрасли к другой в поисках наивысшей возможной нормы прибыли. Они движутся к самой прибыльной отрасли, игнорируя остальные. Когда определенная отрасль перенасыщена капиталом, ее прибыльность уменьшается, и капиталы движутся к другой отрасли (установление монополии видоизменяет эту динамику, но не отменяет). Итогом этого постоянного процесса становится стабилизация нормы прибыли по отношению к среднему доходу в данном обществе в определенный момент. Любой капитал стремится к отдаче на инвестиции в соответствии со средней общественной нормой прибыли, а не с реализуемой нормой прибыли на своем предприятии. Поэтому не отдельный капитал эксплуатирует своих работников, а весь капитал эксплуатирует весь рабочий класс. В движении капиталов, капитал действует и проявляет себя в качестве социальной силы, господствующей над всем обществом, добиваясь таким образом целостности несмотря на конкуренцию, противопоставляющую его самому себе. Капитал унифицируется и становится социальной силой. Это относительно однородная тотальность, противостоящая пролетариату и другим капиталистическим (национальным) элементам. Капитал организывает отношения и потребности всего общества в соответствии со своими интересами. Этот механизм существует во всех странах: капитал основывает государство и нацию против других национальных капиталов и против пролетариата. Противостояние капиталистических государств превращает войну в крайнее средство разрешения проблем конкуренции между национальными капиталами.

Ничего не меняется пока производственные единицы стремятся к увеличению своей стоимости. Что происходит, когда государство («демократическое», «рабочее», «пролетарское» и т. д.) берет все предприятия под свой контроль, сохраняя их в качестве предприятий? Либо государственные предприятия подчиняются закону прибыли и стоимости, и ничего не меняется, либо они ему не подчиняются, не уничтожая его, и тогда все идет наперекосяк.

Внутри предприятия организация рациональна: капитал навязывает рабочим свой деспотизм. Вне его, на рынке, порядок существует только в качестве постоянного и периодического подавления беспорядков, сопровождаемых кризисами и разрушениями. Только коммунизм может уничтожить этот организованный хаос, уничтожая предприятие, как отдельную единицу.

Е. Кризис

С одной стороны, капитал социализировал мир — все производство является результатом деятельности всего человечества. С другой стороны, мир остается разделенным на конкурирующие предприятия, которые пытаются производить то, что

выгодно, и производят, чтобы продать настолько много, насколько возможно. Каждое предприятие стремится валоризировать свой капитал в наилучших возможных условиях. Каждое из них стремится производить больше, чем способен принять рынок, стремится продать всю свою продукцию и надеется, что только конкуренты пострадают от перепроизводства.

В результате происходит развитие деятельности, посвященной увеличению продаж. Количество непроеизводительных работников, занятых ручным и интеллектуальным трудом в обращении стоимости, растет по отношению к работникам, производящим стоимость ручным и интеллектуальным трудом. Обращение стоимости — это не физическое перемещение товаров. Транспортная индустрия производит реальную стоимость, поскольку простой факт перемещения товаров из одного места в другое повышает их стоимость, ведь изменяется их потребительская стоимость: товары становятся доступны в других местах, что, несомненно, увеличивает их полезность. Обращение относится к стоимости, а не к физическому перемещению. Предмет в действительности не перемещается, к примеру, если его собственник меняется пока он остается на том же складе. В ходе этой операции его купили и продали, но его потребительская стоимость не изменилась, не увеличилась. В случае с транспортировкой дело обстоит иначе.

Проблемы, вызываемые куплей и продажей, реализацией стоимости продукта на рынке, создают сложный механизм, включающий кредит, банки, страхование и рекламу. Капитал становится чем-то вроде паразита, поглощая все больше ресурсов общества на управление стоимостью. Учет, являющийся необходимой функцией любой развитой социальной организации, стал теперь разрушительной бюрократической машиной, подавляющей общество и реальные потребности вместо того, чтобы помогать их удовлетворению. В то же время, капитал все больше концентрируется и централизуется: монополия частично сокращает проблемы перепроизводства, но в конечном счете только оттягивает их. Капитал может выйти из этой ситуации благодаря периодическим кризисам, которые временно разрешают проблему, внося поправки в предложение и спрос (точнее, платежеспособный спрос, т.к. капитализм знает только один способ распределения продуктов — купля и продажа; его не заботит, если не удовлетворяется реальный спрос (потребности); на самом деле, капитал вырабатывает недопроизводство по отношению к реальным потребностям, которые он не удовлетворяет).

Капиталистические кризисы — это не просто товарные кризисы. Это кризисы, привязывающие производство к стоимости таким образом, что стоимость управляет производством. Это легко понять, если сравнить их с каким-нибудь докапиталистическим кризисом, до 19 века. Уменьшение сельскохозяйственного производства происходило из-за плохих урожаев. Крестьяне покупали меньше промышленных товаров, таких как одежда, и промышленность, будучи еще очень слабой, попадала в затруднительное положение. Эти кризисы основывались на естественном (климатическом) явлении. Но торговцы спекулировали на зерне и держали его на складах, чтобы взвинтить цены. Неизбежно повсюду вспыхивал голод. Само существование товаров и денег является условием для кризисов: происходит разделение (материализованное во времени) между двумя операциями — куплей и продажей. С точки зрения торговца и денег, стремящихся к увеличению своей суммы, купля и продажа

зерна являются двумя различными операциями — период времени между ними определяется только суммой и нормой ожидаемой прибыли. В период, разделяющий производство и потребление, умирали люди. Но в данном случае торговая система действовала только как дополнительный фактор, усиливающий кризис, вызванный естественными факторами. В подобных случаях, социальный контекст является докапиталистическим, или контекстом слабого капитализма, как в странах вроде нынешних Китая и России, где плохие урожаи все еще оказывают сильное воздействие на экономику.

Капиталистический кризис, наоборот, является продуктом вынужденного союза стоимости и производства. Взять автомобилестроителя. Конкуренция вынуждает его повышать производительность и получать максимальную выгоду через минимальные вложения. Кризис возникает, когда накопление происходит без достаточного уменьшения производственных издержек. Тысячи автомобилей могут сходить с конвейера каждый день, и даже находить покупателя, но их производство и продажа недостаточно валоризирует этот капитал по сравнению с другими. Поэтому компания рационализирует производство, делает больше инвестиций, увеличивает потерю прибылей с увеличением количества продаваемых машин, обращается к кредиту, слияниям, правительственному вмешательству и т. д., то есть производит так, как будто спрос должен увеличиваться вечно, и теряет поэтому все больше и больше. Причина кризисов лежит не в истощении рынков, не в излишне щедрых увеличениях зарплаты, а в падении прибыли (в которое делает свой вклад борьба рабочих): в качестве совокупной стоимости, капиталу становится все труднее валоризировать себя по отношению к средней норме прибыли.

Кризисы демонстрируют не только то, как связь между потребительской и меновой стоимостью, между полезностью и обменной способностью продукта, распадается на мелкие осколки. Они не только доказывают, что логика этого мира заключается в потребности увеличения совокупной стоимости, а не в удовлетворении потребностей людей и не в обогащении капиталистов, как говорят вульгарные критики капитализма. Важно их отличие от докапиталистических кризисов. Те кризисы были неизбежны, торговые отношения лишь усиливали их. Современные кризисы демонстрируют, что у них нет неизбежного рационального основания. Их причины не природного характера, а социального. Имеются все факторы производства: сырье, оборудование, рабочие — но они не используются или используются лишь частично. Это не просто предметы, материальные объекты, но общественные отношения. Как таковые они существуют в этом обществе, только если их объединяет стоимость. Это вовсе не чисто «промышленное» явление; оно происходит не из технических требований производства. Это общественное отношение, посредством которого весь производственный комплекс и фактически вся общественная структура (поскольку производство захватило общество) управляется меркантильной логикой. Единственной целью коммунизма является уничтожение этого товарного отношения, с последующей реорганизацией и преобразованием всего общества (см. ниже).

Сеть предприятий — как центров и инструментов стоимости — приобретает власть над обществом. Любые человеческие потребности (жилье, питание, «культура») существуют только как подчиненные этой системе и сформированные по ее канонам. Не производство определяется потребностями, а потребности определяются произ-

водством — ради валоризации. Офисы строятся быстрее, чем требующиеся жилые дома. И многие дома и тысячи квартир пустуют в течение 10 месяцев из 12, потому что только владельцы или арендаторы могут занимать эти помещения. Сельское хозяйство большей частью игнорируется капиталом на мировом уровне и развивается только там, где оно повышает стоимость, в то время как сотни миллионов людей голодают. Автомобильная промышленность в развитых странах развилась сверх человеческих потребностей, потому что ее прибыльность продолжает расти вопреки всякой логике. Развивающиеся страны могут строить лишь такие заводы, которые будут выдавать среднюю ставку прибыли. Тенденция к перепроизводству требует постоянной военной экономики почти во всех развитых странах; эти разрушительные силы становятся задействованными по необходимости, поскольку войны являются еще одним средством противодействия тенденции к кризису.

Наемный труд сам по себе является абсурдным уже несколько десятилетий. Он вынуждает какую-то часть работников заниматься изматывающим фабричным трудом; другая часть, очень многочисленная в таких странах как США, работает в непроизводительном секторе; функция этого сектора заключается в продвижении продаж и в интеграции работников, выброшенных механизацией и автоматизацией, а следовательно и обеспечение массы потребителей и участие в «управления кризисом». Капитал завладевает всей наукой и техникой: в производственной сфере, он направляет исследования на изучение областей, где будут максимальные прибыли; в непроизводительной сфере, он развивает менеджмент и маркетинг. Таким образом человечество разделяется на три группы:

- производительные работники, зачастую физически уничтожаемые своей работой;
- непроизводительные работники, большая часть которых является лишь статьей расходов;
- и масса бездоходного населения, отчасти в развитых, но в основном в бедных странах: капитал не может их никак интегрировать и сотни тысяч этих людей периодически гибнут в войнах напрямую или косвенно вызванных капиталистически-империалистической организацией мировой экономики.

Развитие некоторых отсталых стран, таких как Бразилия, вполне реально, но может быть достигнуто только путем частичного или полного уничтожения прошлого образа жизни. Введение товарной экономики отнимает у бедных крестьян их средства существования и бросает их в нищету перенаселенных городов. Лишь меньшинству населения настолько «везет», что у них есть возможность работать на фабриках и в офисах; остальную часть населения составляют частично занятые или безработные.

Ж. Пролетариат и революция

Капитал создает сеть предприятий, которая существует только благодаря прибыли и только ради нее и которая защищается государствами. Одновременно с этим он

создает массу людей, вынужденных выступать против самого капитала. Эта масса неоднородна, но она может добиться своего единства в коммунистической революции, хотя ее компоненты и не будут играть одну и ту же роль.

Революция является результатом реальных потребностей; она берет начало в материальных жизненных условиях, которые становятся невыносимыми. Это также относится к пролетариату, порождаемому капиталом. Большая часть мирового населения должна продавать свою рабочую силу для того, чтобы выжить, поскольку у них нет своих средств производства. Некоторые продают свою рабочую силу и при этом производительны. Другие продают ее, но не производят стоимость. Третьи не могут продать ее: капитал покупает живой труд только с целью валоризации по средней норме прибыли; поэтому эта группа исключена из производства.

Если отождествлять пролетария с фабричным рабочим (или еще хуже: с рабочим, занятым ручным трудом), или с бедняком, то нельзя увидеть, в чем заключается подрывная сила пролетарского положения. Пролетариат — это отрицание этого общества. Это объединение не бедных, а тех, кто отчаялся, тех, у кого не осталось резервов, кому нечего терять кроме своих цепей; кто является ничем, ничем не обладает и не может освободиться без разрушения всего социального порядка. Пролетариат — это разрушение нынешнего общества, ибо это общество лишает его почти всех своих положительных аспектов. Поэтому пролетариат является также своим собственным уничтожением. Все теории (буржуазные, фашистские, сталинистские, левые или левацкие) прославляющие и воспевающие пролетариат таким, какой он есть, и утверждающие его позитивную роль в защите ценностей и обновлении общества, являются контрреволюционными. Культ пролетариата стал одним из самых эффективных и опасных орудий капитала. Большинство рабочих получают мало, и многие работают на производстве, но все же их возникновение как пролетариата происходит не из того факта, что они являются низкооплачиваемыми производителями, а из того, что они «отрезаны», отчуждены, не обладают контролем ни над своей жизнью, ни над смыслом того, чем они занимаются, чтобы заработать себе на жизнь.

Определение пролетариата имеет мало общего с социологией. Без возможности коммунизма, теории о «пролетариате» равносильны метафизике. Единственное наше обоснование заключается в том, что, где бы пролетариат автономно ни вмешивался в управление обществом, он всегда действовал как отрицание существующего положения вещей, он никогда не придавал ему положительной ценности или роли и всегда был устремлен к чему-то большему.

Являясь производителем стоимости, способным разделаться с миром, основанным на стоимости, пролетариат включает в себя, например, безработных и домохозяек, поскольку капитализм нанимает и увольняет первых и использует труд последних, чтобы увеличить общую массу добываемой стоимости.

Буржуазия, в свою очередь, является правящим классом не потому, что она богаче всего остального населения. Принадлежность к буржуазии приносит богатства, а не наоборот. Она является правящим классом, потому что контролирует экономику — работников и технику. Собственность, строго говоря, есть лишь форма классовой власти, проявляющейся по-разному в различных вариантах капитализма.

Пролетариат — это не рабочий класс, а скорее класс, критикующий работу. Это присутствующее повсеместно разрушение старого мира, но только в потенциале; оно становится реальным только в моменты социального напряжения и бунта, когда капитал подталкивает его к тому, чтобы он стал проводником коммунизма. Пролетариат начинает подрывать общество, только когда объединяется и организовывается, не для того, чтобы стать правящим классом, как в свое время буржуазия, но для того, чтобы уничтожить классовое общество; здесь остается лишь одна социальная сила — человечество. Но вне таких конфликтных периодов, пролетариат сведен до статуса элемента капитала, колесика в механизме (и конечно именно этот аспект превозносит капитал, который преклоняется перед рабочим как перед частичкой существующей социальной системы).

Хотя и не лишённое рабочего и трудовой этики (оборотной стороны интеллектуализма), радикальное мышление не превозносит рабочий класс и не считает ручной труд бесконечным блаженством. Оно оставляет производительным трудящимся решающую (но не исключительную) роль, потому что их место в производстве ставит их в более выгодное положение для того, чтобы революционизировать его. Только в этом смысле «голубой воротничок» (часто в белом халате и, возможно, галстук) сохраняет центральную роль, поскольку его/ее социальная функция позволяет ему/ей выполнять отличные от других задачи. И все же, с распространением безработицы, казуального труда, увеличения образовательного периода, постоянных курсов повышения квалификации, временных работ и работ на неполный рабочий день, вынужденного раннего выхода на пенсию и причудливой смеси велфера и подработок, где люди на время выходят из нищеты на работу, а затем снова возвращаются к нищете и заработкам на стороне, когда пособие по безработице почти равняется низкой зарплате, становится все труднее отличить работу от неработы.

Мы вполне можем вскоре вступить в фазу схожую с распадом, о котором говорилось в ранних работах Маркса. В любой период сильных исторических потрясений (1840-е гг., период после 1917 г.), пролетариат сталкивается со стиранием социальных границ (все слои рабочего и среднего классов катятся вниз по социальной лестнице) и ослаблением традиционных ценностей (культура больше не объединяет). Капитал сам лишает пролетариев условий жизни старого общества. Не хиппи и не панки, а сам капитализм указывает на фальшь рабочей этики. Собственность, семья, нация, мораль, политика приходят в упадок в глазах пролетариата.

3. Формирование человеческой коммуны

Примитивная коммуна слишком бедна и слаба, чтобы воспользоваться потенциалом труда. Она знает работу только в ее непосредственной форме. Труд не кристаллизуется, не сохраняется в орудиях производства; мертвый труд почти не накапливается. Когда это входит в норму, появляется необходимость в обмене: производство можно измерить только абстрактным трудом, средним рабочим временем. Рабочее время материализуется в деньгах. Отсюда эксплуатация классов другими классами, усиление последствий природных бедствий (см. выше, о докапиталистических кризисах), отсюда взлет и падение государств и империй, которые могут расти, только

воюя друг против друга. Иногда отношения обмена между различными частями цивилизованного (т.е. торгового) мира подходят к концу, с гибелью нескольких империй. Подобная остановка в развитии может длиться веками, в течение которых экономика регрессирует, приходя к экономике выживания.

В этот период у человечества нет производственного аппарата, способного сделать эксплуатацию человеческого труда бессмысленной и даже разрушительной. Роль капитализма заключается как раз в накоплении мертвого труда. Существование всего промышленного комплекса, всего постоянного капитала, доказывает, что общественный характер человеческой деятельности был наконец материализован в орудиях производства, способных если не к созданию нового рая на земле, то к максимально эффективному использованию доступных ресурсов для удовлетворения потребностей. Если этот промышленный комплекс станет основным элементом производства, тогда регулирующая роль стоимости, роль, связанная с той стадией, когда живой труд был главным производственным фактором, теряет всякий смысл; стоимость становится излишней для производства. Ее выживание теперь катастрофично. Стоимость, конкретизированная в деньгах, порождена общим характером труда, энергией (индивидуальной и социальной), производимой и поглощаемой трудом. Стоимость остается необходимым посредником, пока эта энергия не создаст единую глобальную производственную систему, после она уже становится препятствием.

Коммунизм означает конец серии посреднических операций, которые ранее были необходимыми (несмотря на нищету, которую они влекли за собой) для накопления достаточного количества прошлого труда, чтобы позволить людям обходиться без этого посредничества. Стоимость является подобным посредником: теперь уже бесполезно пользоваться внешним по отношению к социальной деятельности элементом для того, чтобы сделать ее связной и стимулировать ее. Накопленная производственная инфраструктура нуждается только в преобразовании и развитии. Коммунизм сравнивает потребительскую стоимость разных продуктов, чтобы вынести решение, какие производства надо развивать. Он не сводит различные составляющие общественной жизни к общему знаменателю (среднее рабочее время, содержащееся в них). Коммунизм организует свою материальную жизнь на основе сопоставления и взаимодействия потребностей — что не исключает конфликтов и даже определенной формы насилия. Люди не станут ангелами: зачем им это надо?

Коммунизм — это также конец всех элементов, необходимых для унификации общества; это конец политики. Коммунизм — не демократия и не диктатура. Он конечно «демократичен», если под этим понимается ответственность каждого за всю общественную деятельность. Это произойдет не из-за воли людей управлять обществом, или благодаря демократическому принципу, но благодаря тому, что деятельность сможет быть организованной только теми, кто сам будет принимать в ней участие. Однако, в противоположность тому, что говорят демократы, это станет возможным только благодаря коммунизму, при котором все элементы жизни станут частью коммуны, когда любая отдельная деятельность и изолированное производство будут упразднены. Этого можно добиться только через уничтожение стоимости. Обмен между предприятиями отбирает у коллектива любую возможность отвечать за свою жизнь (и в первую очередь за свою материальную жизнь). Цель обмена и стоимости радикально противоположна цели людей — Дженерал Моторс, ВолМарт

или АЭС никогда не будут управляться демократически. Предприятие стремится к валоризации и принимает только то руководство, что ведет его к этой цели (поэтому капиталисты являются лишь представителями капитала). Предприятие управляет своими управляющими. Уничтожение границ предприятия, разрушение товарных отношений, заставляющих каждого человека рассматривать других и обращаться с ними как со средством заработка, являются единственным условием для самоорганизации. Проблемы управления вторичны, и было бы абсурдным желать, чтобы каждый управлял обществом по очереди. Бухгалтерская и административная деятельность станут такой же работой как все остальные, без привилегий; любой сможет принимать или не принимать в них участие.

«Демократия, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие. Политическая свобода есть мнимая свобода, худший вид рабства. То же и с политическим равенством; поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распастись: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм».
[Энгельс. Успехи движения за социальную реформу на континенте]

При коммунизме не требуется внешняя сила для объединения отдельных людей. Утопические социалисты так этого и не поняли. Почти все их воображаемые общества, несмотря на все достоинства и поразительную выдумку, требовали очень строгого планирования и квази-тоталитарной организации. Эти социалисты стремились создать связь, которую люди на практике создают каждый раз, когда объединяются в группы. Для того, чтобы избежать эксплуатации и анархии, утопические социалисты организовали социальную жизнь заранее. Другие, с анархистской точки зрения, отвергали подобный авторитаризм и хотели, чтобы общество было постоянным созиданием. Но на самом деле проблема в другом: только конкретные социальные отношения, основанные на данном уровне развития материального производства, создают эту возможную и необходимую гармонию (включающую конфликты) среди людей. Тогда отдельная личность может удовлетворять свои потребности, но только через автоматическое участие в функционировании группы, не будучи простым инструментом группы. Коммунизму нет нужды объединять то, что было разъединено, но более таковым не является.

Это верно также на мировом и даже на вселенском уровне. Государства и нации, бывшие необходимыми для развития инструментами, теперь становятся чисто реакционными организациями, и те разделения, которые они поддерживают, являются препятствием для развития: человечество — это единственное возможное измерение.

Противостояние между физическим и интеллектуальным трудом, между природой и культурой, когда-то имело смысл. Разделение между исполнителями и организаторами работ повышало эффективность труда. Нынешний уровень развития не нуждается в нем, и это разделение не является ни чем иным, как препятствием,

обнажающим абсурдность во всех аспектах профессиональной, «культурной» и учебной жизни. Коммунизм уничтожает разделение между рабочими, искалеченными физическим трудом, и работниками, которых офисы лишают самостоятельности.

Это также относится к противостоянию между человеком и природой. В былые времена человек мог социализировать мир только в борьбе против господства природы. Теперь он стал опасным для природы. Коммунизм — это примирение человека с природой.

Коммунизм — это конец экономики как обособленной и привилегированной сферы, от которой все зависят, и которую все презирают и боятся. Человек производит и воспроизводит свои условия существования: со времен распада примитивной коммуны, но в чистейшем виде при капитализме, в работе — деятельности посредством которой человек овладевает своей окружающей средой — ставшей принудительной, ставшей противоположностью отдыху, досугу, «реальной» жизни. Данный этап был исторически необходим, чтобы накопить труд, дающий возможность уничтожения этого вида рабства. С капиталом, производство (= производство для валоризации) становится повелителем мира. Это диктатура производственных отношений над обществом. Когда кто-то производит, он жертвует временем своей жизни, чтобы получать от нее удовольствие после работы; это удовольствие как правило оторвано от природы труда, являющегося лишь средством поддержания его существования. Коммунизм аннулирует производственные отношения и объединяет их с общественными. Он не знает никакой отчужденной деятельности, никакой работы, противостоящей игре. Обязанность выполнять одну и ту же работу в течение жизни, быть физическим или умственным тружеником, исчезает. Тот факт, что накопленный труд включает в себя и интегрирует всю науку и технику, создает возможность для того, чтобы исследования и работа, размышления и действия, учеба и труд стали единой деятельностью. Часть заданий смогут выполнять все, а всеобщая автоматизация в корне изменит производственную деятельность. Коммунизм не поддерживает ни игру против работы, ни безделье против труда. Эти ограниченные и частичные концепции принадлежат капиталистической действительности. Деятельность по производству/воспроизводству жизненных условий (материальных, эмоциональных, культурных и т. д.) — это и есть природа человека.

Человек коллективно создает средства своего существования и преобразовывает их. Он не может получить их от машин: в этом случае человек был бы сведен до положения ребенка, который получает игрушки, не зная откуда они к нему попадают. Их происхождение даже не существует для него: игрушки просто есть. Схожим образом, коммунизм не превращает работу в нечто вечно приятное и радостное. Человеческая жизнь — это усилие и удовольствие. Даже деятельность поэта обладает болезненными моментами. Коммунизм может лишь упразднить разделение между усилием и удовольствием, созиданием и отдыхом, работой и игрой.

И. Коммунизация

Коммунизм — это присвоение человечеством своих собственных богатств, и он подразумевает неизбежную и полную трансформацию этих богатств. Это означает

уничтожения предприятий как обособленных единиц и, следовательно, закона стоимости, но не ради обобществления прибыли, а для того, чтобы обеспечить обращение продуктов между промышленными центрами без посредничества стоимости. Это не означает, что коммунизм будет пользоваться производственной системой, оставшейся от капитализма. Проблема не в том, чтобы избавиться от «дурной» стороны капитала (валоризации) и сохранить его «хорошую» сторону (производство). Как мы видели, стоимость и логика прибыли навязывают определенный тип производства, разрабатывают одни отрасли и игнорируют другие, а восхваление производительности и роста — это гимн во славу капитала.

С другой стороны, чтобы революционизировать производство, уничтожить предприятия как таковые, коммунистическая революция должна воспользоваться производством. Это ключевой «рычаг», по крайней мере, на одном из этапов. Цель заключается не в том, чтобы захватить предприятия, остаться на них и управлять ими, а уйти с них, связать их друг с другом без обмена и уничтожить их как предприятия. Такое движение почти автоматически начинается с сокращения, а затем искоренения противостояния между городом и деревней и отрыва производства от другой деятельности. Сегодняшняя промышленность стеснена в своих границах, удушая при этом другие отрасли.

Капитал живет ради накопления стоимости: он фиксирует эту стоимость в форме накопленного труда, мертвого труда. Накопление и производство становятся конечными целями. Все подчинено им: капитал подкрепляет свои инвестиции человеческим трудом. В то же время, он развивает непродуцируемый труд. Коммунистическая революция — это бунт против этой абсурдности. Это обратный накоплению процесс, но вместе с тем это не возвращение к навеки ушедшим формам жизни, а придание вещам правильного положения: до сих пор человека приносили в жертву инвестициям; теперь обратное стало возможно. Коммунизм противостоит как продуктивизму, так и иллюзии экологического развития в рамках существующей экономической системы. «Нулевой рост» — это все еще рост. Официальные представители экологизма никогда не выступают с критикой экономики как производства стоимости, они просто хотят сохранять контроль над феноменами, порожденными деньгами.

Коммунизм — это не продолжение капитализма в более рациональной, более эффективной, более современной и менее неравномерной и анархичной форме. Он не принимает материальную основу такой, какая она есть: он низвергает ее.

Коммунизм — это не набор мер, которые следует применить после захвата власти. Это движение уже существует, но не как способ производства (в капиталистическом обществе не может быть островка коммунизма), а как тенденция, происходящая из действительных потребностей. Коммунизм даже не знает, что такое стоимость. Суть не в том, что в один прекрасный день большое число людей начнет уничтожать стоимость и прибыль. Все революционные движения прошлого способны были остановить общество и ждали, как нечто родится из этого всеобщего простоя. Коммунизация, напротив, будет распространять продукты без денег, откроет ворота, отделяющие фабрики от жилых районов, закроет другие фабрики, где трудовой процесс слишком отчуждающ для того, чтобы его можно было технически улучшить, избавиться от школы, как от специфического места, отделяющего учебу от дела

на 15 странных лет, снесет стены, обрекающие людей на тюремное заключение в 3-комнатных семейных квартирах — вкратце, она уничтожит все разделения.

Механизм коммунистической революции — это продукт борьбы. Развитие борьбы приводит к такому моменту, когда общество заставляет всех индивидов, у которых не осталось иных перспектив, установить новые общественные отношения. Если какой-то фронт социальной борьбы зашел в тупик, то это значит, что единственным возможным выходом может быть коммунизм, что бы ни думали об этом сами его участники. Даже когда рабочие просто выдвигают требования, они часто приходят к той точке, когда не остается другого решения кроме яростной схватки с государством и его подручными — профсоюзами. В этом случае, вооруженная борьба и восстание подразумевают применение социальной программы и использование экономики в качестве оружия (см. выше, о пролетариате). Военный аспект, каким бы он ни был важным, зависит от социального содержания борьбы. Для того чтобы сокрушить врага на военном уровне, пролетариат — какова бы ни была его сознательность — преобразует общество коммунистическим путем.

«Современная стратегия означает освобождение буржуазии и крестьянства: это военное выражение этого освобождения. У освобождения пролетариата также будет определенное военное выражение и новая специфическая военная тактика. Это ясно. Мы даже можем даже предвидеть эту стратегию, исходя из материальных условий пролетариата».

[Энгельс. Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции]

До сих пор борьба не достигала той стадии, на которой ее военное развитие сделало бы обязательным появление нового общества. В самых важных общественных конфликтах, в Германии между 1919 и 1921 гг., пролетариат, несмотря на насильственный характер гражданской войны, не достигал этой стадии. И все же под этими столкновениями, скрывалась коммунистическая перспектива, без нее эти события не имели бы смысла. Буржуазия была способна использовать орудие экономики в своих собственных интересах, например, разделяя рабочий класс при помощи безработицы. Пролетариат был неспособен использовать экономику в своих собственных целях и боролся в основном военными средствами; он даже создал Красную армию в Руре в 1920 г., но никогда не использовал то орудие, которое ему предоставляет его социальная функция.

В другом контексте, некоторые бунты в США стали началом социальных преобразований, но только на уровне товара, а не самого капитала. Эти люди были из одного сектора пролетариата (безработные/частично занятые) и часто у них не было возможностей использовать «рычаг» производства, потому что они были исключены из него. Они действовали вне заводов. В то же время, коммунистическая революция подразумевает действие, которое отталкивается от предприятия, чтобы уничтожить его как таковое. Бунты в США оставались на уровне потребления и распределения. Коммунизм не может развиваться, не атакуя центр системы, в котором создается прибавочная стоимость, т.е. материальное производство. Но он использует этот рычаг, только чтобы уничтожить его.

Революцию совершают безрезервные: они вынуждены устанавливать социальные отношения, выходящие за рамки существующего общества. Этот разрыв возможен только в кризисных условиях, который может сильно отличаться от кризиса 1929 г., когда значительная часть экономики полностью остановилась. Если различные группы, бунтующие против наемного труда, объединяются, то это значит, что общество находится в таком положении, когда оно уже не может изолировать разные очаги борьбы. Коммунистическая революция не является ни суммой сегодняшних движений, ни их преобразованием через вмешательство «авангарда». Социальный взрыв может начаться только на мировом уровне, по меньшей мере — в нескольких ведущих странах.

Основной вопрос заключается не в захвате власти рабочими. Нелепо выступать за диктатуру рабочего класса, каким он является на данный момент. Рабочие, какие они есть сейчас, не способны управлять ничем: они являются лишь частью механизма повышения стоимости и подчинены диктатуре капитала. Диктатура существующего рабочего класса не может быть ничем, кроме диктатуры его представителей, т.е. профсоюзных лидеров и рабочих партий. Таково положение дел в «социалистических» странах, но тоже касается и программы демократической левой в любой стране мира.

Революция имеет свою организацию, но революция — это не проблема организации. Все теории о «рабочем правительстве» или о «власти рабочих» предлагают лишь альтернативные решения для кризиса капитала. Революция есть в первую очередь преобразование общества, т.е. того, что составляет отношения людей друг с другом и с их средствами жизни. Организационные проблемы и «лидеры» имеют вторичное значение: они зависят от достижений революции. Это относится как к началу коммунистической революции, так и к функционированию общества, которое появится после нее. Революция не начнется в тот день, когда 51% рабочих станут революционерами; она также не начнется благодаря установлению определенного аппарата принятия решений. Это капитализм постоянно озабочен вопросами управления и лидерства. Организационная форма коммунистической революции, как и любого другого социального движения, зависит от ее содержания. То, как учреждается и действует партия — организация революции — зависит от решаемых задач.

В 19-м веке и даже во время первой мировой войны, материальные условия для коммунизма все еще предстояло создать, по крайней мере, в некоторых странах (Франция, Италия, Россия и т.д.). Коммунистической революции в первую очередь пришлось бы развить производительные силы, заставить работать мелкую буржуазию, сделать промышленный труд всеобщим, с правилом: кто не работает, тот не ест (конечно, это относилось бы к работоспособной части населения). Но революция не наступила, и ее немецкий бастион был сокрушен. С тех пор ее задачи выполнил рост капиталистической экономики. Теперь существует материальная база для коммунизма. Нет больше надобности посылать непроизводительных трудящихся на заводы; теперь нам предстоит создать базу для новой «промышленности», абсолютно отличной от нынешней. Придется закрыть многие предприятия, принудительный труд теперь не подлежит обсуждению: мы упраздним работу как деятельность, обособленную от остальной жизни. Было бы бессмысленным отменять уборку мусора как

работу, которую некоторым приходится выполнять годами, если весь процесс и логика создания мусора и избавления от него останутся неизменными.

Отсталым странам — если использовать эту устаревшую и неадекватную категорию — не придется проходить через индустриализацию. Во многих частях Азии, Африки и Латинской Америки, капитал угнетает труд, но не подчинил его «реальному» господству. Старые формы общественной коммунальной жизни все еще существуют. Коммунизм регенерирует их — как это представлял Маркс в отношении русской крестьянской общины — с помощью «западной» технологии, применяемой иным способом. Во многих отношениях, эти территории будет легче коммунизировать, чем огромные «цивилизованные» мегаполисы, приспособленные к автомобилям и подсевшие на экранное изображение. Иными словами, коммунизм — это всемирный процесс обратный накоплению.

К. Государства и как от них избавиться

Государство было порождено неспособностью людей управлять своими жизнями. Это единство — символическое и материальное — разъединенного. Как только пролетарии завладеют своими средствами существования, это опосредование начнет терять свою функцию, но его уничтожение — это не автоматический процесс. Оно не исчезнет постепенно, по мере расширения нетоварной сферы. На самом деле, такая сфера будет хрупкой, если оставит в действии центральную правительственную машину, как это было в Испании 1936-37 гг. Ни одна государственная структура не исчезнет сама по себе.

Поэтому коммунизация это не просто насаивание обрывочных прямых действий. Капитал будет обрушен общей подрывной деятельностью, через которую люди возьмут свою жизнь в свои руки. Но ничего решительного не будет достигнуто, пока у государства будет сохраняться хоть какая-то власть. Общество это не просто капиллярная сеть: отношения централизованы в силе, концентрирующей в себе консервативную власть. Капитализм был бы очень рад, если бы мы изменяли нашу жизнь на локальном уровне, пока он продолжает жить на глобальном. Как централизованная сила, государство должно быть уничтожено централизованным действием, а власть должна быть уничтожена повсюду. Коммунистическое движение не аполитично, а анти-политично.

Мы отвергаем политику; мы противопоставляем политической революции революцию социальную: первая видоизменяет связи между индивидами и группами без особых изменений в содержании их деятельности, вторая же воздействует на воспроизводство их средств существования, на их образ жизни, на действительные условия, и тем самым преобразовывает отношение людей друг к другу.

Один из первых бунтарских жестов — это восстание против контроля за нашими жизнями сверху, со стороны учителя, начальника, полицейского, социального работника, профлидера, госчиновника... Затем появляется политика и сокращает желания и чаяния до проблемы власти — вручить ли ее партии, или ей должны обладать все. Только политическое мышление представляет революцию как в первую очередь захват и/или перераспределение власти.

Л. Коммунизм как социальное движение

Коммунизм — это не только общественная система, способ производства, который будет существовать в будущем, после «революции». Эта революция фактически является встречей двух миров:

1. с одной стороны, мира всех отверженных, всех исключенных от подлинных удовольствий, само существование которых находится под угрозой, тех, кто вопреки всему объединяются друг с другом, вместе действуют, живут, выживают;
2. с другой стороны, всемирной социализированной экономики, объединенной на техническом уровне, но разделенной на отдельные единицы, вынужденные противостоять друг другу для того, чтобы следовать логике стоимости, объединяющей их и уничтожающей все на своем пути, чтобы выжить.

Мир товаров и стоимости, который в нынешней системе производственных сил, приводится в движение своей собственной жизнью; он развился в автономную силу и подчинил мир реальных потребностей своим законам. Коммунистическая революция — это уничтожение этого подчинения. Коммунизм — это борьба против этого подчинения, и он противостоял ему с первых дней капитализма и даже до этого, даже без каких-либо шансов на успех.

Сначала человек придавал своим идеям, своим взглядам на мир, внешнее происхождение, и мысль о человеческой природе обреталась не в общественных отношениях человека, а в его связи с элементом, внешним по отношению к реальному миру (богу), по отношению к которому человек был лишь продуктом. Схожим образом, человечество в своих попытках приспособиться к окружающему миру сначала должно было создать материальный мир, сеть производственных сил, экономику, мир предметов, которые господствуют над ним и подавляют его, до того, как оно смогло бы овладеть этим миром, приспособив и преобразовывая его в соответствии со своими потребностями.

Коммунистическая революция — это продолжение и преодоление сегодняшних социальных движений. Дискуссии о коммунизме обычно начинаются с ошибочной позиции: они начинаются с вопроса о том, что люди будут делать после революции. Они никогда не связывают коммунизм с тем, что происходит в тот момент, когда происходит дискуссия. Здесь происходит полный разрыв: сначала революция, коммунизм потом. На деле, коммунизм вытекает из реальных потребностей, которые уже существуют, но которые никуда не ведут, которые нельзя удовлетворить, потому что нынешняя ситуация не позволяет этого. Сегодня существует много коммунистических жестов и отношений, выражающих не только неприятие современного мира, но и попытку построить новый. Пока они не заканчиваются успехом, видны только их пределы, только тенденция, а не ее возможное продолжение (функция «экстремистских» групп заключается как раз в том, чтобы представлять эти пределы как цели движения и усиливать их). В отрицании конвейерной работы, в борьбе сквоттеров коммунистическая перспектива присутствует в качестве попытки создать «нечто большее» не на основе простого неприятия современного мира (хиппи), а через использование и преобразование того, что производится и расходуется. В

таких конфликтах люди спонтанно пытаются завладеть товарами в обход логики обмена; они используют эти товары в качестве потребительских стоимостей. Их отношение к этим вещам и отношение друг другу сами по себе становятся подрывными. Даже сами люди меняются во время подобных событий. «Нечто большее», к которому устремлены подобные действия, присутствует в них только в потенциале, о чем бы ни думали и чего бы ни хотели те, кто их организует, что бы ни говорили и не делали экстремисты, принимающие в них участие и теоретизирующие о них. Такие движения должны начать осознавать себя в своих действиях, должны понять, что они делают, чтобы делать это лучше.

Те, кто уже испытывают потребность в коммунизме и обсуждают ее, не могут вмешиваться в эту борьбу с благой вестью коммунизма, не могут продвигать эти ограниченные действия к «подлинной» коммунистической деятельности. Нужны не лозунги, а объяснение контекста и механизма этой борьбы. Надо лишь показать, что люди будут сами вынуждены сделать.

2. Классовая борьба и ее самые характерные аспекты в последние годы

Предисловие

Это эссе было начато сразу после Мая 68 и завершено в 72-м одним другом, который до этого несколько лет работал на алжирской обувной фабрике в режиме (контролируемого государством) «самоуправления», где он испытал на себе, как спонтанное желание управлять своей судьбой может закончиться институционализированной формой наёмного труда.

Если бы этот текст был написан сегодня, исторические данные отличались бы. Французская компартия, хотя она и удерживает сильные позиции, пошла на спад, частично из-за де-индустриализации традиционных зон рабочего класса. Кроме того, как и в других странах, уже нельзя говорить о «сталинизме». Компартии были сталинистскими не из любви к России, но потому что государственный капитализм был возможным решением для капитала... как правило с войсками Красной Армии неподалёку и помощью от братских «социалистических» стран. После падения СССР, исчезла потребность в этой отсталой форме капитализма, и компартии эволюционируют в социал-демократические партии. Легко приспосабливающаяся итальянская партия уже идёт по этому пути. После долгого сопротивления, упрямая французская компартия следует за ней. 60-летний злоеущий сталинистский фарс был выброшен на свалку истории не пролетариатом, а всепоглощающим потоком товаров. Кредитная карточка сильнее, чем грубая сила.

(примечание 1997 г., Жиль Дове)

* * * *

Первоначальной задачей данного текста было показать фундаментальные причины того, почему революционное движение первой половины века принимало различные формы (партии, профессиональные и промышленные союзы, рабочие советы), которые теперь не просто принадлежат прошлому, но также тормозят реформацию революционного движения. Однако, была выполнена лишь часть этого проекта. Эту задачу всё ещё следует реализовать. Но было бы ошибкой дожидаться полного завершения теоретической базы перед тем, как сдвинуться дальше. Нижеследующий текст содержит полезные элементы для понимания новых форм коммунистической «партии». Недавние события (в основном стачки в США, Британии, Франции и Италии) ясно показывают, что мы вступаем в новый исторический период. Например, Французская Коммунистическая Партия (ФКП) всё ещё доминирует над рабочим классом, но уже подвергается атакам. Поскольку в течение долгого времени ФКП

уводила революционное движение в сторону от противостояния капиталу, сегодня её посредничество начинает исчезать: противостояние между рабочими и капитализмом будет становиться всё более и более прямым, на уровне реальных фактов и акций, в противоположность той ситуации, когда идеология ФКП пользовалась влиянием среди рабочих и революционному движению приходилось бороться с ФКП в основном на теоретическом уровне.

Сегодня революционерам придётся противостоять капиталу на практике. Поэтому необходимы новые теоретические задачи. Недостаточно добиться согласия на уровне идей; нужно предпринимать позитивные действия и в первую очередь вмешиваться в нынешнюю борьбу, чтобы отстаивать свои взгляды. Коммунисты не должны строить партию отдельную от той, что утверждает себя на практике в нашем обществе; но всё же им всё больше придётся отстаивать свои взгляды, чтобы реальное движение не растрачивало время в бесполезной и ложной борьбе. Должна быть установлена органическая связь (теоретическая работа для практической деятельности) среди тех, кто считает, что мы движемся к конфликту между пролетариатом и капиталом. Настоящий текст является попыткой определить, как произойдёт возрождение коммунистического движения, а также задачи коммунистов.

А) Май 1968 г. во Франции

Всеобщая стачка в мае 1968 г. стала одной из крупнейших стачек в истории капитализма. Однако, возможно впервые в современном обществе такое мощное движение рабочего класса не создало своих органов, способных выразить его. Более четырёх лет рабочей борьбы доказывают этот факт. Нигде не заметно, чтобы организации выходили за рамки местного и временного контакта. Профсоюзам и партиям удалось заполнить эту пустоту и начать переговоры с боссами и государством. В 1968 г. единственной формой рабочей организации стало какое-то количество Комитетов Действия, действовавших вне профсоюзов и партий; Комитеты Действия противостояли тому, что они считали предательством со стороны профсоюзов.

Либо в начале стачки, либо в процессе сидячих забастовок, либо позже, в борьбе против возобновления работы, многие тысячи рабочих так или иначе организовались вне и против воли профсоюзов. Но в каждом случае эти рабочие организации терпели неудачу с завершением движения и не превращались в новый тип организации.

Единственным исключением является «Межзаводской» Комитет, существовавший с самого начала забастовки в Санзье, здании «Faculté des Lettres» в Париже. Он объединил рабочих — индивидов и группы — из нескольких дюжин предприятий

¹ Если бы он это делал, люди знали бы о нём, как они знают о находившемся под влиянием ситуационистов Совете по поддержке захватов (СМДО), действовавшем с 10 мая и расположенном в другом здании в десяти минутах ходьбы как от Сорбонны, так и от Санзье. В своей истории 68-го, СИ игнорирует Комитет Санзье как слишком мелкий для того, чтобы обладать реальным интересом. У СМДО конечно были широко распространённые плакаты и листовки, во Франции и за границей, в то время как Санзье был больше привязан к рабочим местам, но истина в том, что оба они были одними из самых радикальных аспектов 68-го. Описанный СИ как «звено, а не власть», СМДО решил самораспуститься 15 июня. (комментарий 1997 г., Ж.Д.)

Парижского региона. В его функции входила координация акций против подрыва забастовки СЖТ, подконтрольного ФКП профсоюза. Фактически, это был единственный рабочий орган, который на практике вышел за узкие пределы фабрики, воплощая на практике солидарность между рабочими из различных фирм. Как и во всех случаях революционной деятельности пролетариата, этот Комитет не рекламировал свои действия.¹

Комитет продолжал организовывать встречи после забастовки и распался, когда его члены убедились в их бесполезности. Конечно сотни рабочих, принявших участие в его деятельности вскоре прекратили посещение его собраний. Многие из них продолжали видеться друг с другом. Но в то время как целью Комитета во время стачки было усиление борьбы против профсоюзных и партийных маневров, позже он превратился в дискуссионный кружок, изучавший результаты стачки и стремившийся извлечь из неё уроки на будущее. В этих дискуссиях часто говорилось о коммунизме и его значении.

Этот Комитет собирал меньшинство. Но всё же его ежедневные «общие собрания» в Санзье, так же как и его меньшие собрания, позволяли встречаться нескольким тысячам рабочих. Всё это ограничивалось регионом Парижа. Мы не слышали о подобных экспериментах в других регионах, организованных вне профсоюзов (включая профсоюзы «левого крыла»: город Нант, на западе Франции, был более или менее захвачен профсоюзами во время стачки).

Следует добавить, что горстка людей, разделяющих коммунистические идеи (дюжина в лучшем случае) была активно вовлечена в действия и функционирование Комитета. Влияние СЖТ, троцкистов и маоистов было сведено к минимуму. Тот факт, что Комитет находился вне профсоюзных и партийных организаций, в т. ч. экстремистских и то, что он попытался выйти за пределы фабрики, предвосхитил процессы, последовавшие за 1968 г. Его исчезновение по выполнению своих задач также предвосхитило постепенное исчезновение других организаций, появившихся в ходе борьбы.

Это проливает свет на огромную разницу между сегодняшней ситуацией и тем, что происходило в 1930-е гг. В 1936 г., во Франции рабочий класс в борьбе следовал за «рабочими» организациями и реформами, которых те требовали. Так сорокачасовая рабочая неделя и двухнедельный оплачиваемый отпуск считались реальной победой рабочих, основным требованием которых было достижение тех же условий и положения, что и у служащих. Эти требования выдвигались перед правящим классом. Сегодня рабочий класс не просит улучшения своих жизненных условий. Реформистские программы, представленные профсоюзами и партиями сильно напоминают программы, выдвигаемые государством. Именно де Голль предложил «участие» в качестве средства против того, что он называл «механическим» обществом.

Видимо, лишь одна фракция правящего класса осознала масштабы кризиса, который она окрестила «кризисом цивилизации». (А. Малро) С тех пор все организации, все профсоюзы и партии, без единого исключения, так или иначе присоединились к большой реформистской программе. Сама ФКП включает «реальное участие» в свою правительственную программу. Другой большой профсоюз, СФДТ, пропагандирует самоуправление, поддерживаемое также ультралевыми группами, апологетами «ра-

бочих советов». Троцкисты предлагают «рабочий контроль» в качестве минимальной программы для «рабочего правительства».

В сердце этого течения заключается попытка преодолеть отчуждение рабочего от продукта его труда. Это лишь выражение «утопического» взгляда на капитал и не имеет ничего общего с коммунизмом. Капиталистическая «утопия» стремится избавиться от дурной стороны эксплуатации. Коммунистическое движение не может выражаться в формальной критике капитала. Оно нацелено на изменение не условий работы, но функций работы: оно стремится к замене производства меновой стоимости производством потребительских ценностей. В то время как профсоюзы и партии ведут свои дебаты в контексте одной и той же программы — программы капитала — отношение пролетариата не конструктивно. Помимо своей практической политической деятельности, он не «участвует» в дебатах организованных о нём. Он не пытается заниматься теоретическими исследованиями своих собственных задач. Настало время великого молчания пролетариата. Парадокс в том, что правящий класс пытается выразить чаяния трудящихся по-своему. Одна фракция правящего класса понимает, что сегодняшние условия присвоения прибавочной стоимости служат помехой общему функционированию экономики. В её намерения входит раздел пирога, в надежде на то, что рабочий класс, «получающий прибыль» от капитала и «участвующий» в нём, будет производить ещё больше прибавочной стоимости. Мы достигли той стадии, на которой капитал мечтает о собственном выживании.² Для того, чтобы выжить, ему придётся избавиться от своих собственных паразитических секторов, т.е. тех подразделений капитала, которые больше не производят достаточно прибавочной стоимости.

В то время как в 1936 г. рабочие стремились к уровню других общественных слоёв, сегодня сам капитал ставит привилегированные слои служащих в те же жизненные условия, что и у рабочих. Концепция участия подразумевает равенство перед эксплуатацией, обусловленной потребностями ценообразования. Это участие есть «социализм» нищеты. Капитализм вынужден сократить громадные расходы в тех секторах, которые будучи необходимыми для его выживания, не производят стоимость напрямую.

В ходе своей борьбы рабочие осознали, что возможность улучшения их материальных условий ограничена и в целом уже запланирована капиталом. Рабочий класс уже не может вмешиваться на основе программы, которая реально изменила бы его жизненные условия при капитализме. Великая борьба рабочих первой половины века: борьба за восьмичасовой день, за сорокачасовую неделю, оплачиваемые отпуска, отраслевые профобъединения, гарантированность рабочих мест — продемонстрировала, что взаимоотношения между рабочим классом и капиталом позволяют рабочим осуществлять ряд определённых «капиталистических» действий. Сегодня капитал сам вводит реформы и обобщает равенство всех перед наёмным трудом. Поэтому ни один важный слой рабочего класса не желает бороться за промежуточные цели, как это было в начале века и в 1930-х. Должно быть очевидным также то, что пока не прояснится коммунистическая перспектива, невозможно формирование рабочих организаций на коммунистической основе. Этим мы не хотим сказать, что

² Отсюда отчёт МОТ и дебаты о «нулевом росте».

коммунистические цели внезапно станут ясными для всех. Тот факт, что рабочий класс — это единственный класс, производящий прибавочную стоимость, ставит его в центр кризиса стоимости, т.е. в самое сердце кризиса капитализма и вынуждает его уничтожить все остальные классы как таковые и сформировать органы уничтожения себя самого, как части капитала, как класса, существующего при капитализме. Коммунистическая организация появится только в практическом процессе разрушения капиталистической экономики и создания общечеловеческой коммуны без отношений обмена.

Коммунистическое движение самоутверждалось с самого начала эры капитализма. Именно поэтому капитал должен был постоянно поддерживать контроль и непрерывное насилие против всего, что представляло опасность его нормальному функционированию. Начиная с тайного заговора Бабёфа в 1795 г., рабочее движение проходит через всё более насильственные и долгие циклы борьбы, выявившие, что капитализм является не кульминацией человечества, а его отрицанием.

Хотя майская стачка 68 г. не принесла никаких непосредственных положительных результатов, её реальная сила в том, что она не породила никаких устойчивых иллюзий. «Поражение» Мая — это поражение реформизма, а конец реформизма порождает борьбу на совершенно ином уровне, борьбу против самого капитала, а не против его эффектов. В 1968 г. каждый думал об «ином» обществе, но люди редко высказывали что-то, помимо общих идей самоуправления. Если центральный класс, производящий прибавочную стоимость не поведет коммунистическую борьбу, то другие классы смогут действовать и мыслить только в капиталистическом русле, они смогут выразить себя только в капитале — хотя бы и в реформирующемся. Однако за этой частичной критикой и отчуждённым самовыражением, мы можем видеть начало кризиса стоимости, характеризующего тот исторический период, в который мы сейчас вступаем.

Эти идеи не берутся из ниоткуда; они всегда появляются потому, что зачатки настоящей человеческой коммуны на эмоциональном уровне живут в каждом из нас. Всякий раз, когда фальшивое сообщество, построенное на наёмном труде, подвергается сомнению, появляется тенденция к формированию такой общественной жизни, в которой взаимоотношения больше не регулируются потребностями капитала.

Начиная с мая 68 г., возрастает конкретность действенного коммунистического движения.

Б) Забастовки и борьба рабочих после 1968 г.

Если в послевоенные годы забастовки — даже самые важные — находились под контролем и не влекли за собой постоянные политические и монетарные кризисы, то в последние несколько лет произошло возвращение промышленных бунтов и даже восстаний во Франции, Италии, Британии, Бельгии, Западной Германии, Швеции, Дании, Испании, Португалии, Швейцарии. В Польше рабочие провели атаку на штаб-квартиру компартии, распевая Интернационал. Процесс был одинаковым почти во всех случаях. Меньшинство начинает движение со своими собственными целями; вскоре оно распространяется на другие категории рабочих в той же фирме; люди

организовываются (стачечные пикеты, рабочие комитеты в цехах, на конвейере); причём только профсоюзы способны вести переговоры с менеджментом; профсоюзы, в конце концов, заставляют рабочих возобновить работу, выдвинув унитарные лозунги, которые никому не нравятся, но принимаются всеми из-за неспособности сформулировать что-либо ещё. Единственным движением, вышедшим за уровень стачки, стала волна бунтов и забастовок в Польше в декабре 1970-январе 1971.

То, что приняло brutальные формы в Польше, существует только в качестве тенденции в остальном индустриальном мире. В Польше нет механизма «компенсирующей» власти, способной контролировать социальные кризисы. Правящему классу пришлось атаковать рабочий класс напрямую для того, чтобы поддерживать процесс формирования стоимости в нормальных условиях. Польские события показали, что кризис стоимости имеет тенденцию к распространению на все промышленные отрасли и что поведение рабочего класса находится в центре подобного кризиса.

Движение возникло из потребности защитить среднюю цену рабочей силы. Но это движение сразу же перешло в другое измерение: ему пришлось столкнуться с самим капиталистическим обществом. Рабочим сразу же пришлось атаковать органы угнетения. Было совершено нападение на партийных и профсоюзных бюрократов и вторжение в партийное здание. В некоторых городах были взяты под охрану вокзалы на тот случай, что на них могли прислать войска. Движение оказалось достаточно сильным, чтобы сформировать для себя орган переговоров: рабочий комитет города. Сам факт, того, что Гереку пришлось самому прибыть на верфи, следует считать победой рабочего класса как целого. Год спустя Фиделю Кастро пришлось самому прибыть в Чили, чтобы просить шахтёров на оловянных приисках пойти на переговоры с («социалистическим») правительством. В Польше рабочие не посылали делегатов к органам центральной власти со своими требованиями: правительству пришлось самому прийти к рабочим на переговоры... о неизбежной сдаче рабочих.

Подвергаясь насилию со стороны государства, рабочий класс сформировал свои собственные органы насилия. Ни один лидер не ожидал организации бунта: бунт был нацелен на общество, которое его же и породило. И всё же лидеры (рабочий комитет города) появились только после того, как движение достигло своей наивысшей точки. Орган переговоров стал выражением того, что обе стороны осознали, что осталось только одно решение. Такой орган переговоров характеризуется тем, что он не подразумевает делегирования власти. Он скорее представляет собой внешний предел движения, которое не может пойти дальше, чем переговоры в данной ситуации. Капитал, опять же, предлагает реформы, в то время как рабочий класс выражает себя своим практическим отказом; он должен принять предложение центральной власти, поскольку его практическая деятельность ещё недостаточно сильна, чтобы уничтожить эту власть.

Рабочая борьба часто стремится противопоставить свою собственную диктатуру диктатуре капитала, организовать на основе отличной от капитала и поднять своими действиями вопрос о преобразовании общества. Когда существующие условия неблагоприятны для прямой общей атаки, или если такая атака терпит поражение, формы диктатур разъединяются, капитал одерживает триумф, реорганизует рабочих в соответствии со своей логикой, отвлекает насильственные действия от их изна-

чальных целей и отделяет формальный аспект борьбы от её реального содержания. Мы должны избавиться от старого противопоставления «диктатуры» «демократии». Для пролетариата, «демократия» не означает самоорганизации в виде парламента в буржуазной манере; для него, «демократия» является актом насилия, посредством которого он уничтожает все социальные силы, не позволяющие ему самовыражаться и консервируют его как класс при капитализме. «Демократия» не может быть ни чем иным, кроме как диктатурой. Это заметно в каждой стачке: их уничтожение принимает именно форму «демократии». Как только происходит отделение органа принимающего решения от органов действия, движение теряет свою наступательную силу. Его затягивают на поле деятельности капитала. Противопоставление рабочей «демократии» профсоюзной «бюрократии» атакует лишь поверхностный аспект и прячет реальное содержание рабочей борьбы, у которой совсем иная основа. Демократия теперь является лозунгом капитала: она предлагает самоуправление через самоотрицание. Все те, кто принимает эту программу, поддерживают иллюзию, что общество можно изменить посредством общей дискуссии, за которой следует голосование (формальное или неформальное), принимающее решение о том, что надлежит делать. Поддерживая разделение между принятием решений и действием, капитал пытается поддерживать существование классов. Если кто-то критикует подобное разделение с чисто формальной точки зрения, не обращаясь к его корням, он просто его продлевает. Трудно представить себе революцию, которая начнётся после голосования. Революция есть акт насилия, процесс преобразования общественных отношений.³

Мы не будем пытаться дать описание забастовок происшедших после 1968 г. нам слишком сильно не хватает информации, к тому же о них было написано большое

³ Взять к примеру забастовку машинистов со станции «Северный Париж» 1986 г. Собрание просто проголосовало против блокирования рельс, не пропуская поезд. Но когда бастующие увидели, как со станции идёт первый поезд, который вели менеджеры среднего звена под защитой полиции, они все ринулись на рельсы, отменив спонтанным действием постановления демократического голосования.

Коммунизм, конечно, является движением огромного большинства способного взять свои действия в свои руки. В этом смысле, коммунизм «демократичен», но он не поддерживает демократию как принцип. Политики, боссы и бюрократы получают преимущество либо от меньшинства, либо от большинства, в зависимости от того, что их больше устраивает: так же поступает и пролетариат. Боевая активность рабочих часто исходит от горстки людей. Коммунизм не является властью ни большинства, ни меньшинства. Для того, чтобы дискутировать и/или начинать действовать, людям, понятное дело, надо где-то собираться и такое место встречи называется советом, комитетом, ассамблеей и т. д. Тем не менее, оно становится учреждением, как только момент и механизм принятия решений начинает преобладать над действиями. В этом разделении заключается сущность парламентаризма.

Да, люди должны решать сами за себя. Но любое решение, революционное или нет, зависит от того, что случилось до этого и от того, что продолжает происходить вне структуры по принятию решений. Любой организатор собрания составляет повестку дня; любой, кто задаёт вопрос, определяет ответ; любой, кто затевает голосование, несёт с собой решение. Революция не устанавливает другую форму организации, а находит решения, отличные от логики капитала и реформизма. Демократия и диктатура, понимаемые как принципы, одинаково неправы: они выделяют особый и явно привилегированный момент.

Требование демократии было на высоте во Франции в 1968 г. От продавцов до пожарников и школьников, каждая группа хотела собраться и свободно управлять своим собственным миром, надеясь, что это принесёт глобальные перемены. Даже ситуационисты оставались в пределах демократии, демократии рабочих советов конечно, т.е. демократии антигосударственной и выходящей за пределы товарного производства и прибыли, но всё ещё отделяющей средства от целей. СИ стал самым адекватным выражением Мая 68. (комментарий 1997 г., Ж.Д.)

количество книг и памфлетов. Мы только хотели бы найти, что в них есть общего и в каком смысле они знаменуют собой период, в котором коммунистические перспективы проявятся более конкретно.

Мы не делим индустриальное общество на разные сектора — «развитый» и «отсталый». Правда, что можно отметить некоторые отличия, но они больше не могут скрыть от нас природу стачек, в которых нельзя различить реальную разницу между «авангардной» и «арьергардной» борьбой. Процесс стачек всё меньше определяется местными факторами и всё больше международными условиями капитализма. Так, польские стачки и бунты стали продуктом международного контекста; в корне этих событий лежали отношения между Востоком и Западом, когда люди там пели Интернационал, а не национальный гимн. У западного и восточного капитала есть общие интересы в гарантированной эксплуатации трудящихся их стран. И сравнительно отсталые «социалистические» капитализмы должны поддерживать строгую капиталистическую эффективность для того, чтобы конкурировать со своими более современными соседями.

Коммунистическая борьба начинается в определённом месте, но её существование не зависит от чисто местных факторов. Её действия не ограничены местом её рождения. Местные факторы становятся вторичными по отношению к целям движения. Как только борьба начинает ограничиваться местными условиями, капитализм мгновенно пожирает её. Уровень, достигаемый борьбой рабочих, определяется не местными факторами, а глобальной ситуацией капитализма. Как только возникает класс, концентрирующий в себе революционные интересы общества, он сразу находит, в своей собственной ситуации и без какого-либо посредничества, содержание и объект своей революционной деятельности: сокрушить своих врагов и принять решения, продиктованные потребностями революции; последствия их собственных действий заставляют его двигаться дальше.

Мы не будем здесь рассматривать все забастовки. Есть капиталистическое общество, в котором рабочий класс есть просто капиталистический класс, часть капитала, пока он не становится революционным. Машине партий и профсоюзов всё ещё удаётся контролировать значительные слои рабочего класса в капиталистических целях (таких как право уходить на пенсию после 60 во Франции). Профсоюзы организуют общие выборы и многие забастовки ради ограниченных требований. Однако становится всё более очевидным, что в большинстве крупных забастовок инициатива исходит не от профсоюзов, и именно об этих забастовках мы здесь говорим. Промышленное общество не делится на отдельные секции, как рабочий класс не делится на молодых, старых, местных, иммигрантов, иностранцев, квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Мы не против всех этих социологических описаний; они могут быть полезными, но они не входят в наши цели здесь.

Мы попытаемся проанализировать как пролетариат освобождается от капиталистического общества. У этого процесса есть определённый центр. Мы не принимаем социологический взгляд на рабочий класс, потому что мы рассматриваем рабочий класс не со статичной точки зрения, а в терминах противостояния закону стоимости. Освобождение от капитала упраздняет меновую стоимость, т.е. существование труда как товара. Центром этого движения, а следовательно его лидером, должна стать часть общества, производящая стоимость. Иначе это означало бы, что меновой

стоимости больше не существует, и мы уже миновали капиталистическую стадию. Вообще, глубокое значение сути движения частично скрыто борьбой на периферии, на задворках производства стоимости. Так произошло в Мае 1968, когда студенты отвлекли общее внимание от реальной борьбы, происходившей в других местах.

Фактически борьба на периферии (борьба новых средних классов) служит лишь знаком углубившегося кризиса, внешне всё ещё скрытого от нас. Новый ценовой кризис подразумевает, для капитала, потребность в рационализации отсталых участков и наступлении на них, к тому же они менее всего способны защититься; это увеличивает безработицу и число безрезервных. Но их вмешательство не должно отвлекать нас от ключевой роли производительных рабочих в уничтожении меновой стоимости.

В) Два самых характерных аспекта забастовок

С одной стороны, инициатива в забастовке исходит от самоорганизованных рабочих; с другой, инициатива прекращения забастовки исходит от фракции рабочих, организованных в профсоюзы. Эти инициативы противоречат друг другу, поскольку представляют два противоположных друг другу движения. Ничто не чуждо забастовке больше, чем её конец. Конец забастовки является моментом бесконечных переговоров, когда реальность преодолевают иллюзии; организовывается много встреч, на которых профчиновники обладают монополией на речь; общие собрания привлекают всё меньше людей и, в конце концов, голосуют за возобновление работы. С окончанием забастовки рабочий класс снова подпадает под контроль капитала, снова расплывается на атомы, индивидуальные компоненты, уничтожается как класс, способный противостоять капиталу. Конец забастовки означает переговоры, контроль за движением, или за тем, что от него осталось, со стороны «ответственных» организаций, профсоюзов. Начало забастовки означает нечто прямо противоположное: тогда действия рабочего класса не имеют ничего общего с формализмом. Всех тех, кто не поддерживает движение, оттесняют в сторону, будь то начальство, мастера, рабочие, шоп-стюарды или профбоссы. Менеджеров запирают, тысячи рабочих атакуют профсоюзные здания, в зависимости от местных условий. Во время забастовки в Лимбурге (Бельгия, зима 1970 г.), рабочие захватили профсоюзную штаб-квартиру. Уничтожается всё, что служит препятствием движению. Для «демократии» не остаётся места: напротив, всё становится очевидным и всех врагов надо сокрушить, не теряя времени на дискуссии. Значительная часть энергии проявляется на наступательном этапе и кажется, что ничто не способно остановить это.

На данном этапе мы не можем не констатировать очевидный факт: начальная энергия забастовки полностью угасает ко времени переговоров. Что более важно, эта энергия никак не связана с официальными причинами забастовки. Если несколько дюжин человек иницируют забастовку тысяч рабочих на основе своих собственных требований, они добиваются успеха не из-за какой-то солидарности, а из-за немедленно складывающейся на практике коммуны. Мы должны добавить самый важный пункт — движение не выдвигает каких-то определённых требований. Вопрос, который поднимет пролетариат, уже скрыт в его молчании. В своих маневрах

пролетариат не озвучивает определённых требований: вот почему эти маневры стали первыми коммунистическими действиями нашего времени.

Что важно в процессе освобождения от капитализма, так это то, что пролетариат больше не просит частичных реформ. Так рабочий класс перестаёт быть классом, поскольку он не защищает своих особенных классовых интересов. Эти процессы разнятся в зависимости от условий. Движение в Польше, которое пошло дальше других, показало, что первой ступенью этого процесса является рассеивание капиталистических репрессивных органов в самом рабочем классе (в основном, профсоюзов); затем рабочий класс должен самоорганизоваться для самозащиты против внешних органов подавления (вооружённые силы, полиция, милиция) и их уничтожения.

Специфические условия в Польше, где профсоюзы являются частью государственного аппарата, вынуждают рабочий класс не делать различий между профсоюзами и государством, его просто нет. Слияние профсоюзов с государством лишь выявляет эволюцию, которая не проявляется столь явно в других странах, таких как Франция и Италия. Во многих случаях профсоюзы всё ещё играют роль буфера между рабочими и государством. Но радикальная борьба всё больше нацелена на профсоюзы и доминируемые профсоюзами секции рабочего класса. Ушло время, когда рабочие формировали профсоюзы, чтобы защищать свою квалификацию и право на работу.

Условия современного общества заставляют рабочий класс не выдвигать никаких определённых требований. Единственным сообществом, которое капитал организует и терпит, является сообщество наёмного труда: капитал стремится запретить всё остальное. Капитал теперь доминирует над тотальностью всех человеческих отношений. Становится всё более очевидным, что любая частичная борьба, ограниченная одной областью должна вливаться в общую борьбу против всей системы человеческих отношений: против капитала. В противном случае капитал интегрирует или уничтожает её.

Во время забастовки парижских водителей автобусов и машинистов метро (R.A.T.P.) в конце 1971 г., решительное отношение машинистов превратило забастовку в движение, заметно отличающееся от забастовок других категорий работников. Содержание движения не зависит от того, что думают люди. Отношение водителей изменило их отношение к менеджменту R.A.T.P. и профсоюзам и выявило истинную природу конфликта. Само государство должно было вмешаться, чтобы заставить водителей и машинистов выйти на работу под давлением профсоюзов. Верили водители в это или нет, забастовка больше им не принадлежала; она превратилась в общественный суд над тем, следует ли официально признавать профсоюзы органами принуждения рабочих, органы, чьей задачей является восстановление нормального порядка. Невозможно понять значимость «молчания» рабочего класса, не понимая мощного развития капитализма на данном этапе. В наше время считается нормальным, что профсоюзы сворачивают забастовки. Это не подразумевает слабость революционного движения. Напротив, в ситуации не позволяющей добиться выполнения частичных требований, создание органа для сворачивания забастовки является нормальным. Поэтому мы не считаем возможным создание рабочих организаций, объединяющих внепрофсоюзные фракции на основе программы отдельных требований. Иногда рабочие группы формируются во время борьбы и они противопоставляют свои требования профсоюзным, однако их

шансы уничтожаются самой системой, не позволяющей им существовать слишком долго.

Если эти группы хотят продолжать своё существование, они должны действовать вне пределов фабрики, иначе они будут уничтожены капиталом. Исчезновение таких групп является признаком радикальной природы движения. Если бы они продолжали существовать в качестве организаций, они бы утратили свой радикальный характер. Поэтому они всегда будут исчезать и появляться вновь в более радикальном обличье. Та идея, что рабочие группы в конечном итоге одержат победу, после многих экспериментов и неудач, формируя мощную организацию способную свергнуть капитализм, близка к буржуазной идее, что частичная критика постепенно перейдёт в радикальную. Деятельность рабочего класса осуществляется не через эксперименты, и у неё нет другой «памяти» кроме общих условий капитала, заставляющих их действовать в соответствии с его природой. Она не изучает свой собственный опыт; провал движения сам является адекватной демонстрацией его лимитов.

Коммунистическая организация вырастает из практической потребности преобразовать капитализм в коммунизм. Коммунистическая организация является организацией перехода к коммунизму. Здесь лежит фундаментальное отличие нашего времени и прошлого периода. В борьбе, развернувшейся между 1917 и 1920 гг. в России и Германии, целью была организация до-коммунистического общества. В России радикальные секции рабочего класса пытались завоевать прочие слои рабочих и даже бедного крестьянства. Изолированность радикальных элементов и общие условия капитализма не позволяли им представить себе радикальное преобразование всего общества без программы объединяющей все эксплуатируемые классы. В конце концов, эти радикальные элементы были разбиты.

Разница между нашим временем и прошлым проистекает из широкого развития производственных сил почти на всех континентах и количественного и качественного развития пролетариата. Рабочий класс теперь гораздо более многочислен⁴ и использует высокоразвитые средства производства. На сегодняшний день сам капитал подготовил условия для коммунизма. В задачи пролетариата больше не входит поддержка прогрессивных капиталистических кругов против реакционных. Потребность в переходном периоде между уничтожением власти капиталистов и триумфом коммунизма, во время которого революционная власть создаёт условия для коммунизма, также отпала. Поэтому не остаётся места для коммунистической организации, как посредника между радикальным и нерадикальным кругами рабочего класса. Факт, что организации, поддерживающие коммунистическую программу в самые важные периоды борьбы являются продуктом новых классовых отношений при капитализме.

Например, во Франции в 1936 г., сопротивление капиталу было таким сильным, что понадобилась смена правительства для того, чтобы рабочие смогли добиться своего. Сегодня сами правительства выступают инициаторами реформ. Капиталистические правительства стремятся создать ситуации, при которых рабочие самоорганизуются

⁴ Это заявление 1972 г. может прозвучать странно 25 лет спустя, однако оно всё ещё остаётся верным. Растущей безработице сопутствует рост количества наёмных трудящихся, не только в США, но и во Франции, и даже более того в мировом масштабе, т.к. в последние десятилетия миллионам людей пришлось заняться тяжёлым современным трудом, как, например, в Китае.

фактически для того, чтобы обеспечить производственные потребности (участие, самоуправление). Современная экономика влечёт за собой всё больше планирования. Всё, что находится вне плана, угрожает социальной гармонии. Любая деятельность вне этого планирования считается асоциальной и подлежит уничтожению. Нам следует помнить об этом при анализе некоторых видов деятельности трудящихся в периоды отсутствия массовой борьбы, вроде забастовок или попыток восстания. Профсоюзы должны (а) извлекать выгоду из борьбы рабочих и контролировать её и (б) противодействовать некоторым акциям вроде саботажа или «замедления» (остановки конвейера), если они хотят оставаться в пределах плана (производственные сделки, соглашения по зарплате, и т. д.).

Г) Беспроигрышные формы акций: саботаж и «замедление»

Саботаж уже много лет практикуется в США, а сейчас развивается в Италии и Франции. В 1971 г., во время забастовки железнодорожников во Франции, СЖТ официально объявила, что саботаж осуществляется «безответственными» элементами. Было выведено из строя несколько локомотивов и несколько испорчено. Спустя какое-то время, во время стачки на «Рено» весной 1971 г., несколькими актами саботажа было испорчено несколько автомобилей, находившихся на стадии сборки. Саботаж становится крайне распространённым. Приостановка конвейера («замедление»), существовавшая всегда в качестве подспудного явления, теперь становится повсеместной практикой. Её использование значительно увеличилось с приходом на трудовой рынок молодых рабочих и с автоматизацией. Ей сопутствовал возрастающий абсентизм, серьёзно встревоживший некоторые фирмы.

Эти события не новы в истории капитализма. Новым является контекст, в котором они происходят. Это, на самом деле, поверхностные симптомы глубокого социального движения, признаки процесса разрыва с существующим обществом. В начале века, саботаж использовался в качестве средства осуществления давления на боссов, чтобы заставить их принять существование профсоюзов. Французский революционный синдикалист Пуже проанализировал его в своём памфлете под названием «Саботаж». Он цитирует выступление одного рабочего на съезде рабочих в 1895 г.:

«У боссов нет права рассчитывать на нашу снисходительность. Если они отказываются даже обсуждать наши требования, мы можем применять тактику 'Go Sanny' ("Тихий ход", Э.Т.), до тех пор, пока они не выслушают нас».

Пуже добавляет:

Необязательно говорить, что у «работы» много разных смысловых оттенков. Африканский наёмный рабочий зарабатывает деньги для 20 людей, в то время как западноевропейский поддерживает от 2 до 3. (комментарий 1997 г., Ж.Д.)

«Вот чёткое определение тактики ‘Go Sanny’, или ‘саботажа’: *ПЛОХАЯ ОПЛАТА — ПЛОХАЯ РАБОТА*».

«Эта линия действия, применяемая нашими английскими друзьями, может быть применена во Франции, поскольку наше общественное положение идентично положению наших английских братьев».

Рабочие использовали саботаж против босса, чтобы он признал их существование. Таким образом они добивались свободы слова. Саботаж зародился в движении, пытавшемся превратить рабочий класс в класс, обладающий своим местом в капиталистическом обществе. «Замедление» было попыткой улучшить условия труда. Саботаж не был прямым и бескомпромиссным отрицанием общества как целого. «Замедление» было борьбой с эффектами капитализма. Понадобится дополнительное изучение ограничений подобной борьбы и условий, при которых капитал может поглотить их. Социальная значимость этой борьбы позволяет нам рассматривать её, как основание для «современного реформизма». Слово «реформизм» можно использовать в той степени, в какой эти акции в теории могут быть полностью поглощены капиталистической системой. В то время как сегодня они служат раздражающим фактором для нормальной производственной деятельности, завтра они вполне могут быть увязаны с производством. «Идеальный» капитализм может мириться с самоуправлением условий производства: до тех пор, пока фирма получает нормальную прибыль, организацию труда можно доверить рабочим.

Капитализм уже проводил конкретные эксперименты в данном направлении, в частности в Италии, в США, в Швеции (Вольво).⁵ Во Франции можно считать «либеральные» левые организации, такие как P.S.U., C.F.D.T. и левое крыло Социалистической партии выражением данной капиталистической тенденции. На данный момент, это движение нельзя назвать ни чисто реформистским, ни антикапиталистическим. Следует отметить, что этот «современный реформизм» часто был направлен против профсоюзов. Предсказать последствия его воздействия на капиталистическое производство всё ещё трудно. Всё, что мы пока можем видеть, это то, что эта борьба привлекает группы рабочих, чувствующих потребность действовать вне традиционных ограничений, поставленных профсоюзами.

Хотя «движение замедления» можно определить как мы это только что сделали, саботаж это нечто другое. Есть два вида саботажа: (а) саботаж, уничтожающий продукт машинного производства, (b) саботаж, частично наносящий ущерб продукту так, что он становится непригодным для потребления. Саботаж, существующий сегодня, профсоюзы не способны контролировать, и его не может поглотить производство. Однако капитал может не дать ему развиться и трансформировать свою систему управления. По этой причине саботаж не может стать формой борьбы. С другой стороны, саботаж является отражением личности: она предаётся ему как страсти. Хотя отдельная личность и вынуждена продавать свою рабочую силу, она «сходит с ума», т.е. становится иррациональной по отношению ко всему «рациональному» (продажа своей рабочей силы и соответственная работа). Это «безумие» заключается в отказе

⁵ Этот абзац относится к преобразованию системы Тейлора. Конвейер уже частично исчезает на

предоставлять свою рабочую силу, быть товаром. Личность ненавидит саму себя, как отчуждённое, раздвоенное существо, которое существует только при капитале; она пытается, через разрушение и насилие, вновь стать одним целым.

Поскольку эти действия выходят за рамки экономического насилия, они выходят также за рамки «разума». Газеты постоянно называют их «анти-социальными» и «безумными»: опасность становится настолько явной для общества, что оно пытается подавить её.⁶ Христианская идеология оправдывает страдание и социальное неравноправие рабочих; сегодня капиталистическая идеология навязывает равенство всех перед наёмным трудом и нетерпима ко всему, что противостоит последнему. Потребность изолированного индивида физически противостоять своему практическому превращению в полностью подчинённый капиталу субъект, демонстрирует, что эта подчинённость становится всё более нестерпимой. Разрушительные действия являются частью попытки уничтожить опосредованность социальной общности исключительно через наёмный труд. В молчании пролетариата, саботаж становится первой заикающейся попыткой человеческой речи.

Оба вида деятельности: «замедление» и саботаж, требуют определённой степени согласия среди людей, работающих там, где это происходит. Это демонстрирует, что несмотря на отсутствие какой-либо формальной или официальной организации, существует подпольная сеть взаимоотношений на антикапиталистической основе. Такая сеть является более или менее плотной в соответствии со значимостью самой деятельности, и она исчезает с концом антикапиталистических акций. Вполне нормально, что помимо «подрывных» практических (а следовательно и теоретических) акций, группы, собирающиеся вокруг подрывных задач, должны распускаться. Часто необходимость поддерживать «социальную общность» приводит к деятельности, которая лишь во вторую очередь является антикапиталистической, но в первую очередь иллюзорна. В большинстве случаев эти группы собираются вокруг какой-либо политической оси. Во Франции ядро активных рабочих как правило присоединяется к организациям, вроде «Lutte Ouvrière», к профсоюзным отделениям C.F.D.T. или к маоистским группам. Это не означает, что определённые меньшинства, исповедующие идеи троцкизма, маоизма, или C.F.D.T. приобретают влияние в рабочей среде, просто меньшинства рабочих активистов стремятся преодолеть свою изолированность, что вполне нормально. В любом случае, роспуск антикапиталистических сетей и деятельности означает реорганизацию капиталом рабочего класса, как составной части капитала.

Вкратце, коммунистическое движение не существует в отрыве от своей практической деятельности. Конец социальных беспорядков с коммунистическим содержанием сопровождается распадом всей системы отношений, организованной ими. Демократия, разделение борьбы на «экономическую» и «политическую», формирование авангарда, обладающего социалистической «сознательностью» являются иллюзиями давно ушедших дней. Эти иллюзии неосуществимы постольку, поскольку начинается новый период. Распыление организационных форм, созданных движе-

некоторых фабриках.

⁶ Официальное заявление лидера КП, 1970 г.: «*Есть рабочие, которых мы никогда не будем защищать: это те кто выводит из строя машины и оборудование, которые они производят*». (комментарий 1997 г., Ж.Д.)

нием и исчезнувших вместе с ним отражает не слабость движения, а скорее его силу. Это время конца фальшивых битв. Единственный реальный конфликт — это тот конфликт, что ведёт к уничтожению капитализма.

Д) Деятельность партий и профсоюзов перед лицом коммунистической перспективы

1) На рынке труда, профсоюзы всё более становятся монополиями, покупающими и продающими рабочую силу. Капитал, объединяясь, объединяет условия торговли рабочей силой. В современных условиях производства, индивидуальный владелец рабочей силы не только вынужден продавать её, чтобы выжить, но должен также сотрудничать с другими владельцами рабочей силы, чтобы иметь возможность продать её. В обмен на социальный мир, профсоюзы получили право контролировать найм рабочей силы. В современном обществе рабочие всё больше вынуждены присоединяться к профсоюзам, если они хотят продавать свою рабочую силу.

В начале этого столетия, профсоюзы стали продуктом собраний рабочих, формировавших коалиции для защиты рыночной цены своего товара. Профсоюзы совсем не были революционными, это отразилось в их отношении к I мировой войне, когда они прямо и косвенно поддержали войну. Пока рабочие боролись за своё существование как класса в капиталистическом обществе, профсоюзы не обладали революционной функцией. В Германии, во время революционного подъёма 1919-1920 гг., члены профсоюзов начали формировать организации, защищавшие их экономические права в общем контексте борьбы против капитализма.⁷ Вне революционного периода, рабочий класс становится лишь фракцией капитала, представленной профсоюзами. В то время как прочие фракции (промышленный и финансовый капитал) формировали монополии, рабочий класс, в качестве переменного капитала также сформировал монополию, доверенными лицами которой стали профсоюзы.

2) Профсоюзы развились в конце 19-го и начале 20-го вв. в качестве организаций, охранявших квалифицированную рабочую силу. Это стало особенно очевидным с подъёмом АФТ в США. В период до II мировой войны (или до рождения КПП в 1930-х гг. в США) профсоюзы росли, поддерживая относительно привилегированные слои рабочего класса. Это не означает, что они не пользовались влиянием у самых эксплуатируемых слоёв, но это влияние было возможным, только если оно совпадало с интересами квалифицированных слоёв. С развитием современной, автоматизированной промышленности, высококвалифицированных рабочих сменили техники. Функцией этих техников стал контроль и управление массами неквалифицированных рабочих. Поэтому профсоюзы, теряя важные слои рабочего класса, терявшие свою квалификацию, решили завоевать этот новый социальный слой техников.

3) Профсоюзы представляют рабочую силу, ставшую капиталом. Поэтому они становятся учреждениями, повышающими стоимость капитала. Профсоюзы должны увязывать свои программы с промышленным и финансовым капиталом, если они

⁷ Такие как Движение цеховых старост, французские Революционные Синдикалистские Комитеты и Генеральная Ассоциация Немецких Рабочих (AAUD).

хотят удерживать под контролем «свою» рабочую силу. Представителям переменного капитала, капитала в форме рабочей силы, рано или поздно придётся сотрудничать с представителями тех подразделений капитала, что находятся у власти в данный момент. Правительственные коалиции, состоящие из либеральной буржуазии, технократов, левых политических групп и профсоюзов, становятся необходимым для эволюции капитализма условием. Самому капиталу требуются сильные профсоюзы, способные предлагать экономические меры, способные повышать стоимость переменного капитала. Профсоюзы — это не «предатели» в том смысле, что они предают программу рабочего класса: они довольно последовательны сами по себе и по отношению к рабочему классу, когда он принимает их капиталистическую природу.

4) Вот как мы понимаем взаимоотношения между рабочим классом и профсоюзами. Когда начинается процесс разрыва с капиталистическим обществом, профсоюзы сразу предстают как нечто, чем они являются на самом деле и обращаются с ними соответственно; но как только этот процесс заканчивается, капитал обязательно реорганизовывает рабочий класс, посредством профсоюзов. Можно сказать, что у рабочего класса нет «профсоюзных» иллюзий. Есть лишь капиталистическая, а именно «профсоюзная», организация рабочего класса.

5) Текущее развитие отношений между профсоюзами и боссами в Италии может служить иллюстрацией к сказанному. Стоит внимательно следить за эволюцией итальянских профсоюзов. Является нормой, что в относительно отсталых зонах (с экономической точки зрения), таких как Франция и Италия (по сравнению с США), эффектам модернизации экономики сопутствуют самые современные тенденции капитала. То, что происходит в Италии, во многом знаменует то, что назревает в других странах.

Итальянская ситуация помогает нам лучше понять французскую. Во Франции СЖТ и ФКП создали реакционное сопротивление рабочей борьбе, в то время как в Италии КДЖИЛ и ИКП смогли приспособиться к новой ситуации. Это служит одной из причин, объясняющих разницу между французским «Маем» и итальянским «Маем». Во Франции, Май 1968 г. пришёл внезапно, и его легко можно было воспринять ошибочно. Итальянская ситуация разворачивается медленнее и в полной мере обнажает свои тенденции.

Первый этап длился с 1968 г. до 1971 г. Главным элементом стало зарождение рабочей борьбы, независимой от профсоюзов и политических организаций. Как и во Франции были сформированы комитеты действия рабочих, с одной существенной разницей: французские комитеты были быстро вытеснены с фабрик властью профсоюзов, которые практически не оставили у них иллюзий о борьбе в пределах одной фабрики. Поскольку, общая ситуация не позволяла им двигаться дальше, они исчезли. В Италии, с другой стороны, комитеты рабочих с самого начала смогли самоорганизоваться на фабриках. Ни боссы, ни профсоюзы не смогли реально противостоять им. Многие комитеты были сформированы на фабриках, в изоляции друг от друга, и все они смогли поднять вопросы скорости производственного процесса и организации саботажа.

Фактически это стало отчуждённой формой критики наёмного труда. В итальянском движении деятельность ультралевых групп (гошистов) стала особенно примечательной. Вся их деятельность заключалась в сведении движения к его формальным

аспектам без указания на его реальное содержание. Они породили иллюзию, что «автономия» рабочих организаций была сама по себе достаточно революционной и её следует поддерживать и укреплять. Они возвеличили все формальные аспекты. Но поскольку они не были коммунистами, они не смогли выразить ту идею, что за борьбой против ритма конвейера и условий труда скрыта борьба против наёмного труда.

Сама рабочая борьба не встретила сопротивления. Фактически это обезоружило её. Ей пришлось приспособиться к условиям капиталистического общества. Профсоюзы, со своей стороны, изменили свою структуру, чтобы добиться контроля за рабочим движением. Как сказал Трентин, один из лидеров КДЖИЛ, они решили организовать «тщательное преобразование профсоюзов и нового типа рядовой демократии». Они преобразовали свои фабричные организации по образцу «автономных» комитетов, родившихся из борьбы последнего времени. Способность профсоюзов контролировать промышленную борьбу превратила их в единственную силу, способную заставить рабочих возобновить работу. В некоторых больших концернах, вроде Фиата, были проведены переговоры. В результате этих переговоров профсоюзы получили право вмешательства в организацию труда (время и ход, измерение проделанной работы и т.д.). Теперь менеджмент Фиата совершает отчисления профсоюзных взносов из зарплаты, как это уже было принято в Бельгии. В то же время, были предприняты серьёзные попытки достичь соглашения о слиянии трёх крупнейших профсоюзов: U.I.L. (социалисты), C.I.S.L. (демохристиане), C.G.I.L. (ИКП).

Примечание: *Итальянский пример ясно демонстрирует тенденцию профсоюзов превращаться в монополии, обсуждающие условия производства прибавочной стоимости с другими подразделениями капитала. Вот, цитаты Петрилли, президента государственной I.R. (государственная холдинговая компания) и Трентина:*

Трентин: «...Обогащение содержания работы и допущение более высокой степени автономии в принятии решений группами рабочих, занятых на ней (на каждой фабрике) уже возможны... Даже когда из-за неудач профсоюзов протесты рабочих ведут к иррациональным и иллюзорным требованиям, рабочие выражают свой отказ производить не думая, работать не решая; они выражают свою потребность во власти».

Петрилли: «На мой взгляд, стало очевидным, что конвейерная система несёт в себе напрасную трату человеческих способностей и производит вполне понятное чувство фрустрации у рабочего. В результате большинство социальных волнений следует понимать реалистично, как структурные, а не конъюнктурные факты... Увеличившееся участие рабочих в разработке производственных целей ставит перед нами серию вопросов, имеющих отношение не столько к организации труда, сколько к определению баланса власти в фирме».

Программы и цели здесь идентичны: рост производительности. Единственной остающейся проблемой становится разделение власти, которое лежит в корне политических кризисов во многих промышленных странах. Возможно, что концу политических

кризисов будет сопутствовать рождение «власти рабочих», как власти наёмного труда в различных формах: самоуправление, «народные» коалиции, социалистические и коммунистические партии, левые правительства с правыми программами, правые правительства с левыми программами.⁸

⁸ Как и СИ примерно в то же время, этот текст рассматривает Италию, как исследовательскую лабораторию пролетарского действия и капиталистического противодействия. В последующие годы в Италии проявилось богатое разнообразие форм рабочей автономии: недисциплинированность, абсентеизм, необъявленные цеховые собрания, демонстрации на предприятиях, призывающие к забастовке, дикое пикетирование, блокада товаров... Их постоянной чертой стало отрицание иерархии: равное повышение зарплаты, отсутствие привилегированных категорий, свобода слова... Другим их аспектом стали попытки преодолеть разделение между представлением и действием (парламент/ правительство: см. выше, 3 комментария) в работе комитетов рядовых рабочих. Такая самоорганизация обладала ключевой ролью для коллективного действия, но когда ей не удавалось выступить в качестве органа социальных изменений, которых не происходило, она исчезала вместе со всем остальным пролетарским всплеском.

Не случайно большие фабричные комитеты Северной Италии были мало взаимосвязаны: сопротивление боссу может быть местным делом, в то время как реорганизация производства и социальной жизни означает выход за пределы своего рабочего места — по ту сторону фабричных ворот и компании, как аккумулятивной стоимости, которая владеет нами. (комментарий 1997 г., Ж.Д.)

3. Ленинизм и ультралевые

Введение

Неоценимой заслугой немецкой Левой и мириад прочих ультралевых групп и группировок стало выведение на первый план спонтанности рабочего действия. Потенциал коммунизма заключается исключительно в пролетарском опыте. Поэтому ультралевые всегда обращались к сущности пролетариата в противоположность его многочисленным ошибочным формам существования. Начиная с 20-х и вплоть до 70-х они были против любого опосредования — со стороны государств, партий, профсоюзов, включая отколы и анархистские профсоюзы. Если Ленина можно суммировать одним словом: «партия», ультралевых можно определить одним словосочетанием: сами рабочие... Хорошо, но остаётся вопрос: что означает «сами» рабочие?

Этот вопрос стоит рассмотреть особенно, потому что коммунизм рабочих советов, благодаря Ситуационистскому Интернационалу, стал довольно влиятельным.

Французская версия данного текста была подготовлена группой с ультралевыми корнями, которая, однако, поставила их под вопрос. Первый черновик был передан собранию, организованному ICO (Informations Correspondance Ouvrières, ныне Echanges & Mouvements), прошедшему недалеко от Парижа в июне 1969 г. Расширенная английская версия была подготовлена для того, чтобы начать дискуссию с Паулем Маттиком.

* * *

Кто такие ультралевые? Они являются продуктом и одним из аспектов революционного движения, последовавшего за Первой мировой войной и потрясшего капиталистическую Европу, не уничтожив её с 1917 по 1921 или 1923 гг. Корни ультралевых идей обретаются в этом движении двадцатых, которое стало выражением сотен тысяч революционных рабочих Европы. Это движение оставалось меньшинством в Коммунистическом Интернационале и противостояло общей линии международного коммунистического движения. Само название отражает характер ультралевого движения. Есть правые (социал-патриоты, Носке...), центр (Каутский...), левые (Ленин и Коминтерн) и ультралевые. Ультралевые — это в первую очередь оппозиция: внутренняя оппозиция в Немецкой Коммунистической Партии и против неё (К.Р.Д.), а также внутри и против Коминтерна. Она утверждается через критику преобладающих в коммунистическом движении идей, т.е. через критику ленинизма.

Ультралевое движение было далёким от монолитности. Более того, различные его элементы модифицировали свои концепции. Например, открытое письмо Гортера Ленину выражает теорию партии, которая с тех пор стала неприемлемой для ультралевых. В отношении двух основных пунктов («организация» и содержание

социализма) мы рассмотрим только идеи, сохранившиеся в течение всего периода развития ультралевого крыла. Французская группа I.C.O. является одним из лучших примеров современной ультралевой группы.

А) Проблема организации

Ультралевые идеи являются продуктом практического опыта (в основном благодаря борьбе рабочих в Германии) и теоретической критики (критики ленинизма). Для Ленина, основной революционной задачей была подготовка «лидеров», способных привести рабочих к победе. Когда ультралевые пытались дать теоретическое объяснение подъёму фабричных организаций в Германии, они говорили, что рабочему классу не нужна партия для того, чтобы стать революционным. Революцию совершат массы, организованные в рабочие советы, а не пролетариат, «ведомый» профессиональными революционерами. Немецкая Коммунистическая Рабочая Партия (К.А.Р.Д.), чья деятельность теоретически отражает Гортер в своём «Ответе Ленину», считала себя авангардом, чьей задачей было просвещение масс, а не руководство ими, как в ленинистской теории. Эта концепция была отвергнута многими ультралевыми, противостоявшими двойному существованию фабричных организаций и партии: революционеры не должны стремиться к организации в орган, обособленный от масс. Эта дискуссия привела к созданию, в 1920 г., А.А.У.Д.-Е. (Организация Всеобщего Союза Объединённых Рабочих Организаций), которая подвергла критике А.А.У.Д. (Всеобщий Трудовой Союз Германии) за то, что его контролировала К.А.Р.Д. (Немецкая Коммунистическая Рабочая Партия). Большинство ультралевого движения приняло позиции А.А.У.Д.-Е. Во Франции, нынешняя деятельность I.C.O. основана на том же принципе: любая революционная организация, сосуществующая с органами созданными самими рабочими и стремящаяся к выработке последовательной теории и политической линии, в конце концов пытается взять лидерство над рабочими. Поэтому революционеры не организуются вне «спонтанно» создаваемых рабочими органов: они просто обмениваются информацией и распространяют её и устанавливают контакты с другими революционерами; они никогда не определяют общую теорию и стратегию.

Для того, чтобы понять эту концепцию мы должны вернуться к ленинизму. Ленинистская теория партии основана на разделении, которое можно найти у всех великих социалистических мыслителей того времени: между «рабочим движением» и «социализмом» (революционными идеями, доктриной, научным социализмом, марксизмом и т. д. — ему можно дать различные названия), которые для них являются двумя фундаментально различными и отчуждёнными друг от друга феноменами. С одной стороны есть рабочие и их повседневная борьба, с другой революционеры. Ленин далее утверждает, что рабочий класс следует «учить» революционным идеям. Рабочее движение и революционное движение отделены друг от друга: их следует объединить под руководством революционеров над рабочими. Поэтому революционеры должны организовываться и воздействовать на рабочий класс «извне». Анализ Ленина, ставящий революционеров над рабочим движением, вроде бы основывается на факте: кажется, что революционеры живут в совершенно другом мире,

чем рабочие. И всё же Ленин не видит, что это иллюзия. Анализ Маркса и его научный социализм, как целое являются продуктом не «буржуазных интеллектуалов», а классовой борьбы на всех её уровнях при капитализме. «Социализм» является выражением борьбы пролетариата. Он был разработан «буржуазными интеллектуалами» (и высокообразованными рабочими: Дж. Дицген) потому что только революционеры, происходившие из буржуазии были способны разработать его, но он был продуктом классовой борьбы.

Революционное движение, динамика, ведущая к коммунизму, стала результатом капитализма. Давайте исследуем концепцию партии по Марксу. Слово, партия, часто появляется в сочинениях Маркса. Мы должны проводить различие между марксовыми принципами по данному вопросу и его анализом многих аспектов рабочего движения его времени. Этот анализ во многом не был правильным (например, его взгляд на будущее тред-юнионизма). Более того, нет такого текста в котором Маркс подытожил бы свои идеи о партии, есть лишь разбросанные замечания и комментарии. И всё же мы верим, что в этих текстах содержится общая точка зрения. Капиталистическое общество само производит коммунистическую партию, которая является ни чем иным, как организацией объективного движения (это означает, что концепции «социалистической сознательности» Каутского и Ленина, которую нужно «довести» до рабочих бессмысленны), ведущего общество к коммунизму. Ленин видел перед собой реформистский пролетариат и сказал, что надо что-то с ним делать (довести до него «социалистическую сознательность») для того, чтобы превратить его в революционный пролетариат. Этим Ленин продемонстрировал, что абсолютно не понимает классовую борьбу. В неревolutionный период пролетариат не может изменить капиталистические производственные отношения. Поэтому он стремится к изменению капиталистического распределения путём требования более высокой зарплаты. Конечно, рабочие «не знают», что они изменяют отношения распределения, когда требуют более высокой зарплаты. Тем не менее, они «бессознательно» стремятся действовать против капиталистической системы. Каутский и Ленин не видят процесса, революционного движения, созданного капитализмом; они видят только один из его аспектов. Теория Каутского и Ленина о классовой сознательности нарушает процесс и рассматривает лишь один из переходных моментов: для них пролетариат «сам по себе» может быть только реформистским, в то время как революционеры стоят вне рабочего движения. В действительности, революционеры, их теории и идеи берут начало в борьбе рабочих.

В неревolutionный период, революционные рабочие, изолированные на своих фабриках, прилагают все усилия к тому, чтобы выявить истинную природу капитализма и поддерживающих его учреждений (профсоюзы, «рабочие» партии). Обычно они добиваются малого успеха, что вполне нормально. Есть также революционеры (рабочие и не только), которые читают и пишут, прилагают все усилия, чтобы обеспечить критику всей системы. Обычно они добиваются малого успеха, что тоже вполне нормально. Это разделение производится капитализмом: одной из характерных черт капиталистического общества является разделение между физическим и умственным трудом. Это разделение присутствует во всех сферах нашего общества; оно существует также в революционном движении. Было бы идеалистичным ожидать, что революционное движение станет «чистым», как если бы оно не было продук-

том нашего общества. Неизбежно, что это революционное движение в условиях капитализма, то есть коммунизм, несёт на себе клеймо капитализма.

Только окончательный успех революции может уничтожить это разделение. До тех пор мы должны бороться против него; оно характеризует наше движение точно так же, как и всё остальное общество. Многие революционеры неминуемо редко склонны к чтению и мало заинтересованы в теории. Это факт, преходящий факт. Но «революционные рабочие» и «революционные теоретики» представляют лишь два аспекта одного и того же процесса. Неверно утверждать, что «теоретики» должны вести за собой «рабочих». Но было бы одинаково неверно утверждать, как это делает I.C.O., что коллективно организованная теория опасна, потому что она приведёт к лидерству над рабочими. I.C.O. просто занимает позицию симметричную ленинской. Революционный процесс является органическим процессом и, хотя его компоненты могут быть отделёнными друг от друга какое-то время, возникновение любой революционной (или даже псевдореволюционной) ситуации показывает глубокое единство различных элементов революционного движения.

Что случилось в Мае 1968 г., в рабоче-студенческих комитетах действия в центре Санзые в Париже? Некоторые (ультралевые) коммунисты, до этих событий посвящавшие большую часть своей революционной деятельности теории, работали вместе с меньшинством революционных рабочих. До Мая 1968 г. (и после него), они были не более отдалены от рабочих, чем каждый рабочий далёк от других рабочих в «нормальной», нереволуционной ситуации в капиталистическом обществе. Маркс не был далёк от рабочих, когда он писал Капитал, или когда он работал в Коммунистической Лиге Интернационала. Когда он работал в этих организациях, он не чувствовал ни потребности (как Ленин), ни страха (как I.C.O.), стать лидером рабочих.

Марксова концепция партии, как исторического продукта капиталистического общества, принимающего различные формы в соответствии со стадией и эволюцией этого общества позволяет нам выйти за рамки этой дилеммы: потребность в партии/страх партии. Коммунистическая партия — это спонтанная (т.е., полностью определённая социальной эволюцией) организация революционного движения, созданная капитализмом. Партия есть спонтанный отпрыск, рождённый на исторической почве современного общества. Как воля, так и страх «создания» партии являются иллюзиями. Её не нужно ни создавать, ни не создавать: это просто исторический продукт. Поэтому революционерам не нужно ни строить её, ни бояться строить её.

У Ленина была теория партии. У Маркса была другая теория партии, которая сильно отличалась от ленинской. Ленинская теория стала одним из элементов, приведших к провалу русской революции. Ультралевые отвергли все теории о партии, как опасные и контрреволюционные. Однако теория Ленина не была основной причиной поражения русской революции. Теория Ленина стала преобладающей из-за поражения русской революции (в основном из-за отсутствия революции на Западе). Нельзя отбрасывать все теории о партии только потому, что одна из них (ленинская) стала инструментом контрреволюции. К сожалению, ультралевые приняли позицию, диаметрально противоположную ленинской. Ленин хотел построить партию; ультралевые отказались строить её. Таким образом, ультралевые дали другой ответ на тот же неправильно сформулированный вопрос: за или против строительства партии.

Ультралевые застряли на той же точке, что и Ленин. Мы, в противоположность этому, не хотим просто принимать позицию противоположную взглядам Ленина; мы хотим отбросить их совсем.

Современные ленинистские группы (троцкисты, например) пытаются организовать рабочих. Современные ультралевые группы (I.C.O., например) только распространяют информацию, не пытаясь занять коллективную позицию по каким-то вопросам. В противоположность этому, мы считаем, что необходимо сформулировать теоретическую критику современного общества. Такая критика подразумевает коллективную работу. Мы также думаем, что любая постоянная группа революционных рабочих должна пытаться найти теоретическую основу для своих действий. Теоретическая ясность является элементом и необходимым условием для практического объединения.

Б) Управление чем?

Российская революция умерла потому что в итоге начала развивать капитализм в России. Её девизом стало создание эффективного управленческого органа. Ультралевые быстро сделали вывод, что бюрократическое управление не может быть социализмом, и начали пропагандировать рабочее самоуправление. Была создана последовательная ультралевая теория, в центре которой были рабочие советы: советы действовали в качестве боевых органов рабочих при капитализме и инструментов самоуправления рабочих при социализме. Таким образом советы играли ту же центральную роль в ультралевой теории, что и партия в ленинистской.

Теория рабочего самоуправления подвергает капитализм анализу с точки зрения самоуправления. Но разве капитализм в первую очередь это способ управления? Революционный анализ капитализма начатый Марксом не делает ударения на вопросе: кто управляет капиталом? Напротив: Маркс описывает капиталистов и рабочих как простые функции капитала: *«капиталист как таковой является лишь функцией капитала, а рабочий — функцией рабочей силы»*. Российские лидеры не «управляли» экономикой; это она управляла ими, а всё развитие российской экономики подчиняется объективным законам капиталистического накопления. Другими словами, управляющий, менеджер обслуживает определённые и непреодолимые производственные отношения. Капитализм — это не способ *управления*, а способ *производства*, основанный на данных *производственных отношениях*. Революция должна быть нацеленной на эти отношения; мы попытаемся дать их краткий анализ. Революционный анализ капитализма подчёркивает роль капитала, чьим объективным законам подчиняются «менеджеры» как в России, так и в Америке.

В) Закон стоимости

Капитализм основывается на обмене: вначале он представляется как «громоздкое накопление товаров». Но хотя он и не смог бы существовать без обмена, капитализм это не просто производство товаров; он растёт и развивается даже в борьбе против

простого товарного производства. Фундаментом капитализма является особый вид обмена, обмен между живым трудом и накопленным трудом. Разница между Марксом и классическими экономистами заключается в первую очередь в создании им концепции рабочей силы: эта концепция выявляет секрет прибавочной стоимости, поскольку она варьируется между необходимым трудом и прибавочным трудом.

Как товары соотносятся друг с другом? Каков механизм определения, что количество x товара A обладает той же стоимостью, что и количество y товара B ? Маркс пытается найти объяснение для соотношения $x_A = y_B$ не в конкретной природе A и B в их соответственных качествах, а в количественном отношении: можно обменивать A и B только в пропорции $x_A = y_B$ потому что оба содержат некое количество «присущего» обоим элемента. Если мы абстрагируем конкретную и полезную природу A и B , в них сохранится лишь одна общая вещь: оба они являются «продуктами труда». Обмен A и B происходит в пропорциях, определяемых соответственным количеством труда, кристаллизованного в них. Количество труда определяется его длительностью. Концепция социально необходимого времени труда, развитая дальнейшим анализом, является абстракцией: невозможно подсчитать, сколько представляет собой час социально необходимого труда в данном обществе. Но разделение между абстрактным и конкретным трудом позволяет Марксу понять механизм обмена и подвергнуть анализу особую форму обмена: систему наёмного труда.

«Лучшими моментами в моей книге являются следующие: 1) двойственный характер труда, в соответствии с тем, выражен ли он потребительской стоимостью или меновой стоимостью. (Всё понимание фактов зависит от этого). Это подчёркивается сразу, в первой же главе...»

[Письмо Маркса Энгельсу от 14 августа 1867г.]

Рабочее время, фактически, определяет всю социальную организацию производства и распределения. Оно регулирует пропорции, в которых производственные силы используются для специфических целей в определённых местах. Закон стоимости *«самоутверждается, определяя необходимые пропорции общественного труда, не в общем смысле, применимом ко всем обществам, а только в смысле, требуемом капиталистическим обществом; иными словами, он устанавливает пропорциональное распределение всего общественного труда в соответствии со специфическими потребностями капиталистического производства»*. [Пауль Маттик. Стоимость и социализм]

Это одна из причин, по которым капитал не будет вкладываться в индийскую фабрику, даже если производство этой фабрики будет необходимо для выживания населения. Капитал всегда направляется туда, где он может быстро умножиться. Регулирование посредством рабочего времени вынуждает капиталистическое общество развивать данное производство только там, где время труда, социально необходимое для данного производства более всего соответствует среднему рабочему времени.

Такова логика капитала: меновая стоимость, определяемая средним рабочим временем.

Г) Противоречие рабочего времени

Мы упоминали о центральной роли прибавочного труда в производстве прибавочной стоимости. Маркс делал упор на происхождении, функции и ограниченности наёмного труда.

«...Только когда уже достигнута определённая степень продуктивности — так, что части производственного времени достаточно для непосредственного производства — становится возможно употреблять всё более возрастающую его часть на производство средств производства. Это требует от общества способности ждать; с тем, чтобы большую часть уже созданного богатства можно было отделить от немедленного потребления и от производства для немедленного потребления, для того, чтобы использовать эту часть для труда, не являющегося продуктивным непосредственно (в рамках самого процесса материального производства)».

[Здесь и далее цитаты из Экономических рукописей 1857-61гг. Маркса]

Наёмный труд — это средство для развития производственных сил.

«Реальная экономика — экономия — состоит из накопления рабочего времени (минимум (и минимизация) производственных издержек); но это накопление идентично развитию производственных сил».

Благодаря наёмному труду возможно производство прибавочной стоимости через присвоение капиталом прибавочного труда. В этом смысле жалкие условия, составляющие участь рабочего являются исторической необходимостью. Рабочего нужно вынуждать предоставлять прибавочный труд. Так производственные силы развиваются и повышают долю прибавочного труда в рабочем дне:

Капитал создаёт *«большое количество доступного времени... (т.е. достаточного для полного развития индивидуальных производительных сил, а следовательно производительных сил всего общества)».*

Противоречие или «антитезисное существование» прибавочного труда достаточно очевидно:

- он создаёт «национальные богатства»,
- он не приносит ничего кроме нищеты трудящимся, занятым им.

Капитал *«таким образом, вопреки себе, служит средством социально доступного времени, для того, чтобы сократить рабочее время всего общества до сокращающегося минимума, высвобождая время каждого для собственного развития».*

При коммунизме, избыток времени по отношению к необходимому рабочему времени утратит характер прибавочного труда, который придавали ему исторически ограниченные производственные силы при капитализме. Доступное время перестанет основываться на нищете труда. Больше не будет потребности использовать нищету для создания богатств. Когда отношения между необходимым и прибавочным трудом будут упразднены ростом производительных сил, избыток времени вне

труда необходимого для материального существования утратит свою переходную форму прибавочного труда.

«Свободное время — являющееся заодно и временем досуга и временем для высшей деятельности — естественным образом преобразует своего обладателя в отличный субъект, и он тогда присоединяется к прямому производственному процессу как отличный субъект».

Экономия рабочего времени является абсолютной необходимостью для развития человечества. Она закладывает основания для существования капитализма и, на высшей стадии, для возможности коммунизма. То же самое движение, что развивает капитализм, делает коммунизм возможным и необходимым.

Закон стоимости и измерение среднего рабочего времени являются частью одного и того же процесса. Закон стоимости выражает ограничения капитализма и играет в нём необходимую роль. Пока производственные силы ещё не высоко развиты, и непосредственный труд остаётся существенным фактором производства, измерение среднего рабочего времени также остаётся абсолютной необходимостью. Но с развитием капитала, особенно устойчивого капитала, «создание реальных богатств начинает зависеть от рабочего времени и от количества труда меньше, чем от силы средств, задействованных в рабочем времени, чья “мощная эффективность” сама становится непропорциональной по отношению к непосредственному рабочему времени, затраченному на их производство, и зависит скорее от общего состояния науки и от прогресса технологии, или от применения науки к производству».

Нищета пролетариата стала предпосылкой для существенного роста устойчивого капитала, в котором «зафиксировано» всё научное и техническое знание человечества. Автоматизация, чьи эффекты мы начинаем видеть, есть лишь одна из стадий этого развития. И всё же капитал продолжает регулировать производство посредством измерения среднего рабочего времени.

«Сам капитал есть движущееся противоречие, [в том] что он вынуждает сокращать рабочее время до минимума, оставляя, с другой стороны, рабочее время в качестве единственной меры и источника богатства. Поэтому он уменьшает рабочее время в необходимой форме, чтобы увеличить его в форме поверхностной».

Хорошо известное противоречие производственные силы/производственные отношения нельзя понять, если не различать связи между следующими противоречиями:

- a. противоречие между функцией среднего рабочего времени, как регулирующего фактора «недоразвитых» производственных сил и ростом производительных сил, стремящимся уничтожить потребность в этой функции.
- b. противоречие между необходимостью максимально развивать прибавочный труд рабочего для того чтобы произвести столько прибавочной стоимости, сколько возможно и самим ростом прибавочного труда, приводящего к возможности его упразднения.

«Как только труд в его непосредственной форме перестаёт быть великим источником богатств, рабочее время перестаёт и должно перестать быть его мерой и, следовательно, меновая стоимость [должна перестать быть мерой] потребительской стоимости. Прибавочный труд масс перестал быть предпосылкой для развития богатств вообще, так же как не-труд немногих — для развития силы человеческого ума вообще».

«Освобождение человечества», провозглашённое всеми утопическими мыслителями (в прошлом и настоящем), становится возможным:

«Вместе с тем, прекращает существование производство, основанное на меновой стоимости... Свободное развитие личности, а значит не уменьшение необходимого рабочего времени ради утверждения прибавочного труда, но скорее общее уменьшение общественно необходимого труда до минимума, который затем приходит в соответствие с художественным, научным и пр. развитием личности в ставшее свободным время и благодаря созданным средствам, для всех». [Маркс. Экономические рукописи 1857-61гг.

«Любой ребёнок знает, что если нация прекратит работать, не скажу на год, но даже на несколько недель, она погибнет. Любой ребёнок также знает, что масса продукции, соответствующей различным потребностям требует разнообразной и количественно определённой массы общего труда общества. То, что от этой потребности в распределении общественного труда в определённых пропорциях нельзя избавиться посредством отдельной формы общественного производства, которая может изменить лишь его внешний вид, самоочевидно. Нельзя избавиться от естественных законов. То, что может изменяться в разных исторических обстоятельствах — это лишь форма, в которой утверждают себя эти законы».
[Письмо Маркса Кюгельманну от 11 июля 1868 г.]

Маркс противопоставляет регулирование посредством социально необходимого рабочего времени регулированию через имеющееся время. Конечно, это не просто два метода, которые можно использовать или отвергать, но два объективных исторических процесса, включающих в себя всю систему общественных отношений. Многие знают страницы из Критики Готской программы, где Маркс объясняет, что «в кооперативном обществе, основанном на общем владении средствами производства, производители не обмениваются своими продуктами; труд, занятый в производстве этой продукции настолько же мало является стоимостью этих продуктов, как и их материальные качества, с этих пор, по контрасту с капиталистическим обществом, индивидуальный труд не существует больше в косвенном виде, но напрямую, как компонент всеобщего труда». [Маркс, Критика Готской программы]

«Каждому по потребностям», по мнению Маркса, не означает, что «всё» будет существовать «в изобилии»; концепция абсолютного «изобилия» исторически несущественна. Должен быть какой-то подсчёт и выбор, не на основе меновой стоимости, но на основе стоимости потребительской, общественной полезности

продукта. (Поэтому проблема «недоразвитых стран» и способы её разрешения предстанут по новому). Маркс достаточно ясно изложил это в Нищете философии:

«В будущем обществе, в котором прекратится классовый антагонизм, в котором не будет больше классов, польза больше не будет определяться минимальным временем производства; но время производства, посвящённое различным его статьям, будет определяться степенью их общественной полезности».

[Маркс, Нищета философии]

Текст о переходе от «царства необходимости» к «царству свободы» [Капитал, III том, последняя глава] даёт пояснения. Свобода рассматривается как система отношений, при которой человек, овладевая процессом производства материальной жизни, наконец-то сможет приспособить свои чаяния к уровню, достигнутому развитием производственных сил. [«Сущность буржуазного общества состоит именно в том, что а priori в нём нет сознательного социального регулирования производства. Рациональное и естественно необходимое утверждаются как слепое рабочее среднее». (Письмо Маркса Кюгельманну от 11 июля 1868 г.)] Рост социального богатства и развитие каждого индивидуума совпадают.

«Реальное богатство является развитием производительных сил всех людей. Мерой богатства в таком случае более не является, ни в коем случае, рабочее время, но скорее имеющееся время». [Маркс. Экономические рукописи 1857–61 гг.] Маркс достаточно прав, описывая время, как измерение человеческого освобождения.

Более того, ясно, что проанализированная Марксом динамика исключает любую гипотезу о постепенном пути к коммунизму через прогрессивное уничтожение закона стоимости. Напротив, закон стоимости продолжает яростно самоутверждаться, пока он не свергнет капитализм: закон стоимости никогда не перестанет самоуничтожаться — только для того, чтобы появиться вновь на более высоком уровне. Мы видели, что движение, давшее ему рождение, стремится уничтожить его необходимость. Но он не прекращает существовать и регулировать функционирование системы. Следовательно, необходима революция.

Теория управления обществом через рабочие советы не принимает в расчёт динамику капитализма. Она сохраняет в себе все категории и характеристики капитализма: наёмный труд, закон стоимости, обмен. Вид, социализма, предложенный ею не является ни чем иным, как капитализмом — под демократическим управлением рабочих. Если применить это на практике, остались бы две возможности: либо рабочие советы постарались бы функционировать не так, как на капиталистических предприятиях, что было бы невозможным, поскольку капиталистические производственные отношения всё ещё существуют. В этом случае рабочие советы были бы уничтожены контрреволюцией. Производственные отношения — это не отношения между человеком и человеком, а комбинирование различных элементов в процессе труда. «Человеческие» отношения, построенные по принципу лидеры/ведомые — это лишь вторичная форма фундаментальных отношений между трудом и капиталом. Либо рабочие советы начнут действовать как капиталистические предприятия. В этом случае система советов не выживет; она превратится в иллюзию, в одну

из многочисленных форм сотрудничества между Капиталом и Трудом. «Избираемые» менеджеры очень скоро станут идентичными традиционным капиталистам: функция капиталиста, по словам Маркса, всегда стремится отделиться от функции трудящегося. Самоуправление рабочих закончится капитализмом; иными словами, капитализм не будет уничтожен.

Большевистская бюрократия взяла экономику под свой контроль. Ультралевые хотели, чтобы это сделали массы. Ультралевые остались на той же точке, что и ленинизм: они снова дали ещё один ответ на тот же самый вопрос (управление экономикой). Мы хотим заменить этот вопрос другим (уничтожение капиталистической экономики). Социализм — это не управление, каким бы «демократичным» оно ни было, капиталом, но его полное уничтожение.

Е) Исторический предел ультралевых

Наш анализ проблемы «организации» и содержания социализма привёл нас к утверждению существования революционной динамики при капитализме. Революционное движение, порождённое капитализмом, принимает новые формы в новой ситуации. Социализм — это не просто менеджмент общества рабочими, но завершение пролетариатом исторического цикла капитала. Пролетариат не просто захватывает власть над миром; он также завершает движение капитализма и обмена. Это отличает Маркса от всех утопистских и реформистских мыслителей; социализм порождается объективной динамикой, созданной капиталом и распространившейся по всей планете. Маркс настаивает на содержании движения. Ленин и ультралевые настаивают на его формах: на форме организации, на форме управления обществом, забывая при этом о содержании революционного движения. Это также было историческим продуктом. Ситуация того периода предотвратило появление коммунистического содержания в революционной борьбе.

Ленинизм выразил собой невозможность революции в его время. Коммунизм рабочих советов выразил её необходимость, упустив из виду то, где скрыты её возможности. Идеи Маркса о партии были оставлены. Это было время больших реформистских организаций, затем коммунистических партий (которые быстро и незамедлительно стали иной формой реформистских организаций). Революционное движение было недостаточно сильным. Повсюду, в Германии, в Италии, во Франции, в Великобритании, начало двадцатых было отмечено контролем «рабочих» лидеров над массами. Реагируя на эту ситуацию, ультралевые пришли к той точке, на которой они начали испытывать страх, что станут новыми бюрократами. Вместо того, чтобы рассматривать ленинистские партии как продукт пролетарского поражения, они отказались становиться партией вообще и, подобно Ленину, предали забвению марксистскую концепцию партии. Что касается содержания социализма, все социальные движения, за исключением Испании на краткий период, пытались управлять капитализмом вместо того, чтобы уничтожить его. В подобных условиях ультралевые не смогли обеспечить глубокую критику ленинизма. Они смогли лишь принять противоположные взгляды и противопоставить ленинизму другие формы, упустив из вида содержание революции. Всё это стало тем более естественным, поскольку

это содержание ясно не проявлялось. (Мы должны помнить, однако, что ультра-левые предоставили замечательную критику некоторых аспектов капитализма — профсоюзов и «рабочих» партий).

Таковы причины, по которым ультралевое движение лишь заменило ленинистский фетишизм партии и классовой сознательности фетишизмом рабочих советов. Критика ленинизма и ультралевых стала возможной потому, что развитие капитализма даёт нам представление о содержании революционного движения.

Придерживаясь ультралевых идей, которые мы изложили (страх создания партии, рабочее самоуправление), мы превратим их в простую идеологию. Когда эти идеи впервые появились около 1920 г., они выражали собой революционную борьбу и даже их «ошибки» сыграли позитивную и прогрессивную роль в борьбе против социал-демократии и ленинизма. Их ограниченность выразила собой деятельность тысяч революционных рабочих. Но с 1920 г. вещи сильно изменились. Новое революционное меньшинство рабочих находится в медленном процессе формирования, как это показали события 1968 г. во Франции и борьба в нескольких других странах.

Во время революционного периода, революционер борется вместе с пролетарием без каких-либо теоретических или социологических проблем. Революционное движение становится единым. Теоретическая последовательность является перманентной целью революционеров, поскольку она всегда ускоряет практическую координацию революционных усилий. Революционеры без колебаний действуют коллективно в пропаганде своей критики существующего общества.

Они не пытаются сказать рабочим, что делать; но они не воздерживаются от вмешательства под тем предлогом, что «рабочие должны решать сами за себя». Потому что, с одной стороны, рабочие решаются только на то, к чему их вынуждает общая ситуация; а с другой, революционное движение является органической структурой, в которой теория является неотделимым и незаменимым элементом. Коммунисты представляют собой и защищают общие интересы движения. Во всех ситуациях, они без колебаний выражают полное значение того, что происходит и делают практические предложения. Если выражение является правильным и предложение надлежащим, они становятся частью борьбы пролетариата и совершают вклад в построение «партии» коммунистической революции.

(Июль, 1969 г.)

4. Заметки о Бордиге и Паннекуке

Хотя оба они подверглись нападкам в ленинской «Детской болезни левизны в коммунизме», Паннекук считал Бордигу особым типом лениниста, а Бордига видел в Паннекуке отталкивающую смесь марксиста с анархо-синдикалистом. Фактически они мало интересовали друг друга; итальянские и немецкие левые коммунисты в значительной мере игнорировали друг друга. Задача этого текста — показать, что это было ошибкой.

Антон Паннекук

Еще несколько лет назад о Паннекуке (1873—1960) слышали лишь немногие. Его идеи и его история снова обрели жизнь лишь потому, что условия, существовавшие в его время, вернулись — с важными отличиями, которые заставляют нас исправить его точку зрения.

Паннекук был голландцем, но действовал большей частью в Германии. Он был одним из немногих социалистов развитых государств, сохранивших революционную традицию из эпохи до 1914 г. Но на радикальные позиции он перешел только во время войны и после нее. Его текст «Мировая революция и коммунистическая тактика» (1920 г.) — одна из лучших работ того времени. Паннекук понял, что основу провала Второго Интернационала следует искать не в его стратегии, а наоборот, сама эта стратегия коренилась в функции и форме Второго Интернационала. Интернационал был приспособлен к совершенно определенной ступени капитализма, на которой рабочие выдвигали требования экономических и политических реформ. Чтобы осуществить революцию, пролетариат должен организовать по-новому, преодолев старое разделение между партией и профсоюзом. В этом пункте Паннекук должен был неизбежно вступить в столкновение с Коминтерном. Во-первых, потому что русские так никогда в действительности и не поняли, чем был старый Интернационал. Поэтому они верили в организацию рабочих сверху, не видя взаимосвязи между идеей Каутского о внесении социалистического сознания в массы и его контрреволюционной позицией. Во-вторых, поскольку российское государство добивалось создания в Европе массовых партий, способных осуществить давление на свои правительства и заставить их вступить в союз с Россией. Паннекук отстаивал подлинное коммунистическое движение в Германии. Но оно было вскоре разбито, и на Западе появились различные крупные компартии. Левые коммунисты остались маленькими группами, расколотыми на различные фракции.

В начале 30-х гг. Паннекук и другие предприняли попытку дать определение коммунизму. Уже с начала 20-х гг. они критиковали Россию как государственно-капиталистическую. Теперь они вернулись к марксовому анализу стоимости. Они

пришли к заключению, что капитализм — это производство с целью накопления стоимости, в то время как коммунизм означает производство потребительных ценностей для удовлетворения человеческих потребностей. Но необходим план: без посредничества в виде денег общество должно будет разработать точную систему бухгалтерии для того, чтобы измерять количество рабочего времени, заложенное в каждом из благ. Точная бухгалтерия призвана обеспечить, чтобы ничто не пропало зря. То, что Паннекук и его друзья обратились к закону стоимости и его значению, было совершенно правильно. Но было неверно пытаться найти рациональную бухгалтерию по рабочим часам. То, что они предлагали, фактически является тем же законом стоимости (поскольку стоимость — ни что иное, как количество общественно необходимого труда для производства того или иного блага), но без привлечения денег. Можно возразить, что об этом говорилось еще в начале «Экономических рукописях» (Grundrisse) 1857 г., но в конце концов немецкие (и голландские) левые коммунисты подчеркивали центральный пункт коммунистической теории.

Во время гражданской войны в Германии в 1919—1923 гг. наиболее активные рабочие создавали новые формы организации — главным образом, рабочие союзы, иногда — Советы. Но большинство существовавших рабочих Советов были реформистскими. Паннекук развивал идею, что эти новые формы важны, жизненно важны для движения, поскольку они стояли в противоречии с традиционной формой партии. В этом пункте коммунизм рабочих Советов выступил против партийного коммунизма. Паннекук занялся дальнейшей разработкой этого аспекта, а после Второй мировой войны опубликовал книгу «Рабочие Советы». В ней он развивает чистую идеологию консилизма. Революция сводится к массово-демократическому процессу. Социализм означает рабочий контроль через посредство коллективной системы бухгалтерии и расчета рабочего времени: иными словами, стоимости без ее денежной формы. Но проблема состоит в том, что стоимость — не мера измерения, это кровь капитализма. Что же касается революционеров, то им надлежало только поддерживать связь, излагать теорию, распространять информацию и описывать, что делают рабочие. Они не должны организовывать постоянные политические группы, пытаться определить стратегию или работать над тем, чтобы возглавить рабочих и позднее стать новым правящим классом.

От анализа России как государственно-капиталистической системы Паннекук перешел к анализу тех, кто действовал в западных странах как представитель рабочих внутри капитализма — прежде всего, профсоюзов.

Паннекук был знаком с прямыми формами рабочего сопротивления против капитала и сознавал триумф контрреволюции. Но он не понимал общей основы коммунистического движения: его базы (превращения рабочей силы в товар), его борьбы (централизованных действий против государства и существующего рабочего движения), его цели (создание новых социальных отношений, при которых уже не будет экономики как таковой). Он сыграл важную роль в переформировании революционного движения. Мы должны видеть границы его вклада и включить его в формулирование заново революционной теории.

Амадео Бордига

Бордига (1889—1970) жил в совершенно иных условиях. Как и Паннекук, который еще до войны боролся с реформизмом и даже вышел из голландской соцпартии, Бордига принадлежал к левому крылу своей партии. Но он не шел так далеко, как Паннекук. Во время Первой мировой войны итальянская соцпартия придерживалась довольно радикальных взглядов, и возможностей для раскола не было. Партия даже выступила против войны, хотя и более или менее пассивно.

Когда в 1921 г. была создана итальянская компартия, она порвала с правыми и центром старой партии. Это обстоятельство разозлило Коминтерн. Бордига, возглавлявший партию, отказался принимать участие в выборах, но не из принципиальных соображений, а из тактических. Парламентские действия, с его точки зрения, могли иногда быть полезными, но не тогда, когда буржуазия может использовать их, чтобы отвлечь рабочих от классовой борьбы. Позднее Бордига писал, что не против использования парламента в качестве трибуны, когда это возможно. Так, например, это имело смысл в начале фашизма. Но в 1919 г., в разгар революционного движения, когда на повестке дня стояли восстание и его подготовка, участие в выборах означало бы продолжение распространения буржуазной лжи и ложных представлений о возможности изменений через парламент. Для Бордига, чья группа в соцпартии называлась «фракцией абсентеистов», это был важный момент. Коминтерн с этим не согласился. Поскольку Бордига считал это тактическим, а не стратегическим вопросом, он решил уступить Коминтерну. Он полагал, что в такой момент необходимо проявить дисциплину. Но он остался со своей позицией внутри партии.

Политика «единого фронта» была еще одним спорным моментом. Бордига полагал, что даже простой призыв социалистических партий к совместным действиям дезориентировал бы массы и стер бы непримиримое противоречие между контрреволюционными партиями и коммунизмом. К тому же, компартии, которые в действительности не порвали с реформизмом, благодаря такой политике получили бы стимул развивать оппортунистические тенденции.

Бордига был против лозунга рабочего правительства, порождающего только путаницу в теории и на практике. Для него диктатура пролетариата была необходимой частью революционной программы. В отличие от Паннекука, он отказывался вывести из этих позиций вырождение российского государства и партии. Он чувствовал, что Коммунистический Интернационал ошибается, но для него он все еще оставался коммунистическим. В отличие от Коминтерна, Бордига занял ясную позицию в отношении фашизма. Он не только увидел в фашизме новую форму буржуазного господства, каковой была и демократия. Он считал также, что между этими двумя формами нельзя выбирать.

Этот пункт обсуждался снова и снова. Позиция итальянских левых обычно искажается. Историки часто возлагают на Бордигу ответственность за приход Муссолини к власти. Его обвиняют даже в том, что ему были безразличны страдания людей при фашизме. По мнению Бордиги, с революционной точки зрения неверно, что фашизм хуже демократии или что демократия создает более благоприятные условия для пролетарской борьбы. Даже если рассматривать демократию как меньшее зло по сравнению с фашизмом, было бы глупо и бесполезно защищать демократию в

попытке предотвратить фашизм: итальянский (а затем и немецкий) опыт показывает, что демократия не только бессильна перед фашизмом, но и сама призывает фашизм ради своего спасения. Из страха перед пролетариатом демократия взращивает фашизм. Поэтому единственная альтернатива фашизму — это диктатура пролетариата.

Чтобы защитить антифашистскую политику, левые — к примеру, троцкисты — выдвинули позднее новый аргумент. Капитал нуждался в фашизме: он не мог больше оставаться демократическим, поэтому борьба за демократию является одновременно борьбой за социализм. Так многие левые оправдывали свою позицию во время Второй мировой войны. Но так же как демократия рождает фашизм, фашизм рождает демократию. История подтвердила справедливость утверждения Бордиги: капитализм меняет их друг на друга; демократия и фашизм чередуются. Обе формы после 1945 г. выступали в смешанном и перемежающемся виде.

Конечно же, Коминтерн не мог терпеть сопротивление Бордиги, и между 1923 и 1926 гг. он утерял контроль над компартией Италии. Хотя он не был полностью согласен с Троцким, он выступил против Сталина на его стороне. В 1926 г. он атаковал российских вождей в Исполкоме Коминтерна — вероятно, это был последний раз, когда кто-нибудь критиковал Коминтерн изнутри на столь высоком уровне. Однако Бордига тогда еще не считал Россию капиталистической, а Коминтерн — переродившимся. Лишь несколькими годами позднее он действительно порвал со сталинизмом.

С 1926 по 1930 гг. Бордига находился в тюрьме, а в 30-х гг. держался в стороне от весьма живой политической деятельности эмиграции. В 30-е гг. доминировали антифашизм и народные фронты, что вело к подготовке новой мировой войны. Немногие эмигрировавшие итальянские левые заявляли, что грядущая война может быть только империалистической. Борьба против фашизма посредством поддержки демократии расценивалась как материальная и идеологическая подготовка войны.

После начала войны оставалось мало возможностей для деятельности коммунистов. Итальянские и немецкие левые занимали интернационалистические позиции, троцкизм же высказался в поддержку союзников против «Оси». В это время Бордига все еще отказывался определять Россию как капиталистическую, но он никогда не верил — как это делал Троцкий — в поддержку стороны, в альянсе с которой выступал Советский Союз, кем бы она ни была. Он никогда не считал, что необходимо защищать «рабочее государство». Нужно помнить о том, что Троцкий расценивал как позитивное событие нападение России на Польшу совместно с Германией и раздел ее, поскольку полагал, что это изменит общественные отношения в Польше на социалистические!

Когда Италия в 1943 г. сменила сторону в войне и была создана республика, появились возможности для активизации. Итальянские левые создали свою партию. Они думали, что окончание войны приведет к классовым столкновениям, сравнимым с теми, которые произошли в конце Первой мировой. Думал ли Бордига действительно так? Очевидно, он понимал, что ситуация сложилась совершенно иная. Рабочий класс на сей раз находился полностью под контролем капитала, которому удалось собрать рабочих под знамена демократии. Проигравшие (Германия и Япония) были оккупированы победителями и контролировались ими. Но фактически Бордига до

самой смерти не выступал против взгляда оптимистической части своей группы. Он склонялся к тому, чтобы держаться в стороне от деятельности (и активизма) своей «партии» и интересовался преимущественно теоретическим постижением и объяснением. Тем самым он помог создать и поддерживать иллюзии, которые он сам не разделял. Его партия за несколько лет потеряла большинство членов. В конце 40-х гг. она превратилась в маленькую группу, какой была и до войны.

Большая часть работы Бордига носила теоретический характер. Заметная часть ее касается России. Он показал, что Россия была капиталистической и что российский капитализм по своей сути не отличается от западного. Немецкие левые (или ультралевые) в этом вопросе заблуждались. Для Бордига важна была не бюрократия, а экономические закономерности, которым должна была следовать бюрократия. А законы эти были те же, что описаны в «Капитале»: накопление стоимости, обмен товаров, падение норм прибыли и т.д. Правда, российская экономика не страдала от перепроизводства, но это объяснялось ее отсталостью. Во время холодной войны, когда многие считали бюрократические режимы, описанные коммунистами рабочих Советов, новой возможной моделью будущей капиталистической эволюции, Бордига предсказал, что американский доллар вторгнется в Россию и в конечном счете взорвет стену Кремля.

Ультралевые полагали, что основополагающие законы, описанные Марксом, в России подверглись изменениям. Они указывали на контроль над экономикой со стороны бюрократии и противопоставляли этому лозунг рабочего контроля. Бордига же полагал, что в новой программе нет никакой необходимости, рабочий контроль — это вопрос второстепенный. Рабочие только тогда смогут управлять экономикой, когда будут устранены рыночные отношения. Разумеется, эти дискуссии выходили за рамки анализа России.

Эти представления ясно сложились в конце 50-х гг. Бордига написал ряд работ о некоторых важных текстах Маркса. В 1960 г. он говорил, что все творчество Маркса было описанием коммунизма. Это, без сомнения, самый глубокий комментарий, сделанный когда-либо о Марксе. Паннекук обратился к анализу стоимости около 1930 г., Бордига — 30 лет спустя. Но то, к чему пришел Бордига, было общим представлением о развитии и динамике обмена с его возникновения до его конца при коммунизме.

Однако Бордига остался при своей теории революционного движения вместе со своим ложным представлением о внутренней динамике пролетариата. Он полагал, что рабочие вначале объединятся вокруг экономических требований и изменят природу профсоюзов, затем, благодаря вмешательству революционного авангарда, они выйдут на политический уровень. Здесь нетрудно заметить влияние Ленина. Маленькая группа Бордига вступила во французские и итальянские профсоюзы (прежде всего, контролировавшиеся компартией), но ничего не добились. Хотя он сам более или менее не одобрял этого, открыто против этих вредных действий он тоже не высказался.

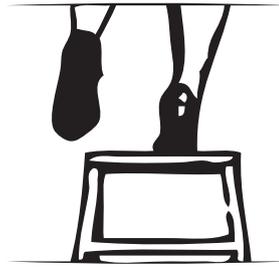
Бордига поддерживал жизненность ядра коммунистической теории. Но он не смог преодолеть взгляд Ленина, то есть взгляд Второго Интернационала. Поэтому его действиям и идеям суждено было остаться противоречивыми. Но сегодня нетрудно понять то, что было и остается важным в его работе.

Паннекук понимал сопротивление пролетариата против контрреволюции вполне непосредственно и выразил это. Он видел в профсоюзах монополию переменного капитала, подобно обычным монополиям, которые концентрируют постоянный капитал. Вопреки продуктивистской, иерархической и националистической позиции сталинизма и социал-демократического социализма (которую большей частью разделял троцкизм и сегодня разделяет маоизм), он описывал революцию как взятие массами жизни в свои руки. Но он не сумел понять природу капитала и сущность изменений, которые принесет с собой коммунизм. В своей крайней форме, представленной Паннекуком в конце его жизни, коммунизм рабочих Советов превращался в систему организации, в которой Советы играли ту же роль, что и партия в ленинизме. Было бы неправильно отождествлять Паннекука с его наиболее слабой фазой. Но независимо от этого, теорию о рабочем контроле заимствовать нельзя — тем более в период, когда капитал ищет новые пути интеграции рабочих с помощью предоставления им доли в управлении.

Именно здесь очень важен Бордига: он рассматривал все творчество Маркса как попытку описания коммунизма. Коммунизм потенциально существует в пролетариате. Пролетариат — это отрицание существующего общества. Быть может, он восстанет против товарной экономики только ради выживания, ведь производство товаров ведет к его уничтожению, даже физическому. Революция — это не вопрос сознания и не вопрос руководства. Это резко отличает Бордигу от Второго Интернационала, от Ленина и от официального Коминтерна. Но он так никогда и не смог отделить прошлое от настоящего. Сегодня мы можем это сделать.

(Жиль Дове 1973)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Жиль Дове, Франсуа Мартен
Закат и возрождение коммунистического движения
1973

Сохранено 23 января 2012г. из revsoc.org
Перевод большей части — Э.Т.
Текст первой части взят по изданию «Что такое коммунизм» — Фальше, 2011.
Корректурa - БА

ru.theanarchistlibrary.org